Дневники и письма Александра Алексѣевича Муханова.

$\frac{9}{21}$ Октября. Четвергъ. 1822. Гельсингфорсъ.

Писалъ по утру письма и брату Н. Наверху до обѣда занимался переводомъ замѣчаній Наполеоновыхъ на частную жизнь (Записки въ теченіи 100 дней) и возвращеніе Наполеона, соч. Флери де Шабулона. Послѣ обѣда ушелъ домой. Спалъ долго; въ 7-мь часовъ возвратился наверхъ. Вечеръ провелъ наединѣ съ генераломъ; въ другихъ комнатахъ Meco... угощала гостей своихъ: les Valéens, les Lévanders и жену Армфельда. Изъ рѣдка выходилъ я посмотрѣть на игры. Аврора нынче была безподобна; смотря на ея снѣжныя: грудь и шею — думая о простотѣ ея нрава и воспитаніи я подумалъ также и о призракахъ счастія, за которыми неутомимо бѣгая мы не видимъ существенныхъ наслажденій настоящаго подъ носомъ и въ то же самое время какъ эти мысли толпились въ голову — сердце говорило: вздоръ! честолюбіе какъ гробовой червь точило его. — Всѣ уѣхали; комнаты были освѣщены — двери настежь отворены, всѣ ушли къ Генералу и я сидѣлъ одинъ протекая мыслію прошедшее; воспоминанія протедшихъ радостей и пламенныхъ восторговъ проходили мимо меня толпами. Сердце мнѣ уже не такъ сильно бьется, черепъ не раскаливается и

не дымится и хладная существенность налагаетъ на нихъ вандалы ступней опытности. Мы ужинали въ кабинетѣ у Генерала А. Ф., Miss M... и я. Возвратившись домой я читалъ статью о философіи, въ книгѣ о Германіи de Stael; долго не могъ заснуть я несмотря на жертвоприношеніе моей чувственности и воображенію въ честь А.... Уже и клоки давно перестали провозглашать наступленіе часы а я не спалъ еще.

$\frac{10}{22}$ Октября. Пятница.

Въ то время какъ являлись нѣстовые Генералъ принималъ также Финскихъ офицеровъ. Ему являлись, Генералъ Ернротъ, нѣсколько полковыхъ командировъ и другихъ Штабъ и Оберъ-офицеровъ; въ числѣ вторыхъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ гр. Армфельдъ и полковникъ Клингъ; послѣдній служилъ въ бывшемъ Семеновскомъ полку. Въ антрактахъ приходилъ Гр. Манергеймъ Вице-Президентъ здѣшняго Сената. Почтенный старикъ, какъ лунь сѣдой, отличнѣйшихъ правилъ, явный врагъ корыстолюбцовъ.—Въ продолженіи утра занимался переводомъ, ходилъ домой и писалъ дневникъ свой.

1825-ой годъ Гельсингфорсъ. $\frac{1-9}{18}$ Генваря.

Наканунѣ 200 человѣкъ плящутъ у Генерала, которые для меня не существуютъ. Во время ужина не отхожу ни минуты прочь отъ А.... ; она хороша какъ Богъ; дышу ей одною и радостно встрѣчаю новый годъ. Мефистофилесъ въ ссорѣ съ Мессалиной. Я счастливъ А..... до безконечности; провожаю ее до кареты; сладко прощаемся..... Всѣ разъѣхались. Сцѣна на верху у Министра Финансоваго въ комнатѣ La Moglia пытается знать что говоритъ Месс.... въ безпамятствѣ; она упрашиваетъ меня разсказать ему со памяти, не находя довольно силы душевной на сознанье. Въ продолженіи ½ часа я увѣряю что жалуется на головную боль. Наконецъ нѣтъ болѣе возможности обманывать; подъ видомъ что бегу за Мак—ской опрометью по лѣстницамъ и спасаюсь домой.

Утромъ 1-го Генваря, не зная, что одѣлалось ночью не рѣшаюсь показаться. Одѣваюсь и принимаю толпу докучныхъ поздравителей. Всѣ уѣхали къ обѣдни послѣ праздничнаго пріема. Забѣгаю на верхъ; сцѣна примиренія. Мефис на колѣняхъ и пр. Ѣду съ дамами по визитамъ. Послѣ обѣда хохочу безъ памяти. Вечеромъ балъ у холопей. А.... тутъ; мы то плящемъ то смѣемся. За ужиномъ шумный хохотъ, шампанское кипитъ а съ нимъ радость. Провожаю до кареты; прощаемся. Старушки всѣ разъѣхались пьяненькія.

$\frac{2-е}{14-9}$ Генваря. Я дежурный. Утромъ бѣганье и хлопоты бумажные. Въ 12-ть часовъ отправляюсь къ W. ..; сижу полъ-часа на иголкахъ — жду — не ихо-

дитъ; безпокойный уѣзжаю къ Гр... Ман...; полуумной и разогорченой, сообщаю старухѣ свою горесть; она разливается слезами. Сплю послѣ обѣда. Вечеръ проходитъ кое какъ. Ночью катаемся съ Генераломъ въ саняхъ.

$\frac{1\text{-е}}{13\text{-е}}$. Утро проходитъ въ хлопотахъ; бегаю по лавкамъ и по визитамъ; изъ Финскихъ казармъ забегаю къ Г-жѣ Армфельдъ нахожу у ней Мину М—мъ и М-me Рихтеръ просиживаю съ ними часъ времени. Ман.... сказываетъ мнѣ что ѣдитъ за А....., кататься съ ней въ саняхъ. Иду на уголъ Ма.... дома хожу тамъ взадъ и впередъ, рвусь отъ нетерпенья. Вдутъ!... становлюсь за сани за конми уже стоитъ братъ. Ѣдимъ въ Свеаборгъ; счастье мое продолжается; я отъ него задыхаюсь!! Дорогой, кусокъ льду прилѣтаетъ въ носъ кучеру который разбиваетъ въ кровь; его становятъ назадъ, я сажусь кучеромъ и мчусь по заливу съ моимъ счастьемъ. Въѣзжаемъ въ крѣпость; кучеру съ бѣлымъ султаномъ выбѣгаютъ караулы вонъ; мы помираемъ всѣ со смѣху. Опять становлюсь на запятки, объѣзжаемъ крѣпость, возвращаемся въ городъ который тоже мигомъ облѣтаемъ. Дорогой еще по заливу, кучеръ останавливается оправлять что то у лошади; я пользуюсь этимъ временемъ и умолю А..... не позабыть меня и въ доказательство чувствъ своихъ пожертвовать мнѣ смазливымъ Барончикомъ. Страстные взгляды съ нѣсколькью нѣжныхъ упрековъ завѣрютъ мнѣ счастье на вечеръ. У Валеповыхъ встрѣчаю Графа Мансфельма, мы уходимъ въ хозяйской кабинетъ гдѣ я ему читаю представленіе З.... объ его отставкѣ. Вечеромъ Баронъ уничтоженъ; и я счастливъ какъ нельзя болѣе. Я не танцую съ нею, по обыкновенію, попури; во время онаго она выбираетъ Барона; ревность меня поджигаетъ—я раскаливаюсь. Въ Шведской кадрили примиряемся. Она мнѣ говоритъ про наканунешнее посѣщеніе, и разсказываетъ какъ проходя чрезъ прохожую она увидѣла мою . . . . . Я счастливѣе нежели когда нибудь. Хозяинъ вызываетъ меня въ другую комнату и говоритъ мнѣ объ отставкѣ З..... дѣло заходитъ о причинахъ; онъ вызналъ и даже, къ удивленію моему, говоритъ мнѣ о запискѣ *Белло* къ Р ... Я обороачиваюсь мы одни; всѣ разъѣхались. Бегу домой всѣ собрались къ ужину. Ждемъ нѣсколько времени Карли Кронстета, наконецъ уже за ужиномъ, Мефистофелесъ предсѣдательствуетъ за трапезой — ужинъ начинается скушно а оканчивается шумнымъ хохотомъ—меня терзаетъ не горе а избытокъ счастья, которымъ не съ кѣмъ подѣлиться. Провожаю брата до дома. Полупьяный брожу я по улицамъ; вода по колѣно. Возвращаюсь домой иду снова съ Путятой и съ Баратынскимъ. Цѣлую ночь болтаемъ.

Пушу никому и никогда не читать. хранить таковыя письма у себя и каждый разъ какъ ты отъ куда то ни было ѣдишь въ Москву, брать съ собою накопившіяся мои письма (начиная съ сего) и возвращать т. е. привозить ко мнѣ.

Не суди по первому этому опыту, которымъ, между прочемъ, я очень недоволенъ, о составленіи моего дневника; я надѣюсь, что съ каждымъ днемъ онъ будетъ усовершенствоваться.

№ 1. 25-го Ноября 1825. С. Успенское.

Съ нынѣшняго дня хочу снова писать письма, которыя послужатъ тебѣ подробнымъ извѣщеніемъ о всемъ томъ, что со мною ежедневно случаться будетъ, что буду слышать, думать и проч. Только прошу сохранить эти письма, дабы они могли современемъ составить, такъ сказать, для меня мой Дневникъ. На нѣкоторыхъ страницахъ ты будешь находить знаки, №, и проч. которые не должны для тебя ничего значить и объяснятся тебѣ послѣ. Не знаю въ продолжительномъ ли времени состоится исполненіе такового Дневника, но буду старатся; да къ тому жъ, какъ выполненіе сего намѣренія имѣетъ двойственную существенную цѣль, то и надѣюсь не скоро охладѣть. Теперь пора къ дѣлу:

Я не писалъ тебѣ много и не отвѣчалъ на нѣкоторые пункты твоихъ писемъ, что мнѣ было скучно; единообразіе Московской жизни начинаетъ вместѣ съ сидячей жизнію и совершеннымъ бездѣйствіемъ сильно тяготить меня. Хотѣлъ было писать, что нибудь да недостатокъ учености и избытокъ честолюбія безпрестанно другъ на друга наскакиваютъ напоминая о потерянномъ безвозвратно времени и о пустой безплодной юности. Въ твоихъ письмахъ находятся также вопросы на разрѣшеніе коихъ нужно бы употребить скучнымъ образомъ много времени, но сдѣлавъ тебѣ большаго удовольствія, какъ напр: что причиною ссоры . . . . . съ отцемъ? и проч. Эдакаго роду вѣщи я всегда буду оставлять до свиданья.

Въ субботу 21-го утромъ пріѣхалъ ко мнѣ Баратынской, котораго, не смотря на круговращеніе Меркурія въ жилахъ его, уговорилъ я хорошенько окутавшись ѣхать со мною въ Астафьево; (я наканунѣ видѣлъ Княгиню Вѣру въ Москвѣ, у которой испросилъ позволеніе къ нимъ пріѣхать и кромѣ того имѣлъ престранный, и предолгій, и прескучный разговоръ о протекшей любви, о теперешнемъ равнодушіи и проч. въ которомъ она силилась пробудить усопшія чувства, но я коли не языкомъ правды, то длинными извилистыми рѣчевіями выразилъ ей: Въ душѣ моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты!—

Съ десятой версты отъ метели и худой дороги полузамерзшіе возвратились домой, гдѣ наверху у насъ пообѣдали. Вечеромъ пріѣхалъ къ Ивану: Мальцовъ ко мнѣ: Егоръ Толстой и Петръ Мухановъ, сперва общество болтало потомъ всѣ разъѣхались кромѣ Баратынскаго съ которымъ мы перевспомнили все о Финляндіи, къ стати онъ написалъ нѣсколько стишковъ на тамошнія бани въ коихъ парятъ мущинъ женщины — пресмѣшные! *) — На другой день, въ Воскресенье ѣздилъ и къ Шилингу просится въ отпускъ, отъ туда къ Гр. Егору, съ нимъ вместѣ къ Бахметьеву, который боленъ жабою въ горлѣ; заѣзжалъ къ Нат. Влад. — обѣдали у Сергія Ильича. Бѣдная Маша Серг. очень нездорова, у ней безпрестанная лихорадка; полагаютъ, что желчь въ волненіи. Газъ ее лѣчитъ и не помогаетъ, а его не мѣняютъ изъ какого то подобострастія. Вечеромъ ѣздилъ къ Маложениновой по твоему приказанію да и давно у него не былъ. Вотъ въ чемъ состоитъ его дѣло: года четыре или три тому назадъ Кнауфа въ Москвѣ не было, онъ былъ въ отлучкѣ на какихъ то Сибирскихъ заводахъ; Иванъ Ник послалъ къ Лилю и Даути вексель, который имѣлъ на Кнауфа, узнавши отъ Газетти и другихъ, что Лилю управлялъ дѣлами Кнауфа, и съ тѣхъ поръ отъ нихъ отвѣта не получалъ; ты долженъ съѣздить къ Лилю и узнать взыскалъ ли онъ деньги или нѣтъ; естьли да то спросить нужна ли тебѣ довѣренность и во всякомъ случаѣ отобрать отъ нихъ какой нибудь отвѣтъ. — Этотъ вечеръ проведенъ дома въ чтеніи Исторіи Густава Ваазы и дремотѣ. **) Въ понедѣльникъ утромъ былъ Полевой съ литературными порученіями отъ Вяземскаго; ѣздилъ утромъ къ Гр. Егору, читалъ ему письмо твое, на которое мы поочередно съ нимъ дѣлали свои замѣчанія и коментаріи. ***) Я съ нимъ долго еще остался, говорилъ о своихъ дѣлахъ; ты знаешь, что онъ *наша Нестора, мужъ совѣта*. Заѣзжалъ къ Павлу и Петру Мухановымъ, послѣдній у насъ обѣдалъ; вечеромъ ѣздили прощаться къ Сергію Ильичу, Машѣ было лучше, она отдохнувши отъ болѣзненнаго страданія освѣжилась и нравственно. Въ этотъ вечеръ была мила до безконечности; остроты сыпались съ роскошью. Вотъ женщина въ которой я обрѣтаю, какъ Давыдовъ обрѣлъ въ . . . . . осуществленный идеалъ своей военнаго человѣка, такъ и осуществленный идеалъ того, что должны бы быть женщины. Она сумѣла сочѣтать пламенное своенравное въ порывахъ своихъ, воображеніе со строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей; подчинила бурное его стремленіе разграфленному порядку житейскихъ приличій, такъ, что въ вериглахъ рабольпства является безпрестанно существомъ возвышеннымъ исполненнымъ высокихъ мыслей, свѣтлой образован-

*) Ихъ со мной нѣтъ отъ того здѣсь ихъ и не вписываю.

**) Получилъ отъ тебя письмо съ Нарвинскимъ крестьяниномъ.

***) Онъ же мнѣ возвратилъ твое, Гр Алексѣево, и Нашу; послѣднее необыкновенно занимательное заключаетъ въ себѣ мысли о краѣ имъ виденномъ и проч.

пости, глубокихъ чувствъ. Вотъ сужденіе мое, можетъ быть слишкомъ смѣлое, слишкомъ рѣзко набросанное, но я пишу только для тебя и себя собственно, а время подъ гнетомъ синицевой опытности сгладитъ съ него лишнее, выпрямитъ и исправитъ его.—Заѣхавши отъ туда простится съ Ник. Ил. я засталъ уже его въ постели. Ссоры домашнія (то есть Африканскія) сильно подѣйствовали, съ нѣкоторыхъ поръ, на разстроенное его здоровье. Я посидѣлъ еще нѣсколько время съ Нат. Вл.; она усердно печется о моемъ счастіи и тебѣ и мнѣ помочь выбится изъ чернаго тѣла, въ которое судьба тѣснитъ насъ. Батюшки не было дома, онъ возвратился въ ½ 12 часа отъ Трубѣцкихъ (Ник. и Варв.) мы съ нимъ съ Володей и своими простились, я пошелъ наверхъ чтобъ написать къ тебѣ и . . . . . , котораго пригласилъ на первой разъ пристать ко мнѣ, и уложившись въ 2 часа по полуночи, выѣхали съ Иваномъ по зимнему первопутію изъ заставы (во вторникъ, 24-го Ноября, Екатерининъ день); къ статѣ не забудь, естьли скоро соберешься ѣхать въ Москву, попросить Яковлева или кого нибудь достать мнѣ календарикъ, который издается въ Штабѣ. Отъ рыхлости снѣга и не накатанной дороги не могли ѣхать такъ скоро, какъ хотѣлось и какъ можно было. Въ ½ 1-го часа доѣхали; застали всѣхъ за обѣдомъ. Александрина и сестры вскрикнули какъ услышали голоса наши и выбѣжали встрѣчать насъ; всѣхъ нашли здоровыми, за исключеніемъ добраго нашего Аббата страдающаго подагрой; весь день прошелъ: въ распросахъ Московскихъ и дальнѣйшихъ новостей, въ разсказахъ что дѣлается въ околодкѣ, какъ бранились между собою Цыхановскіе, какъ смѣшны Ивашковскіе, что дѣлаетъ думаетъ и говоритъ отецъ Петръ и пр. и пр. Мы остановились въ старой банѣ, гдѣ лѣтомъ живетъ Александрина.

28-е Ноября. Суббота.

Предыдущія страницы писаны съ 25-го по нынѣшнее утро, каждый день понемногу. У меня не станетъ терпенія перевспоминать все, что дѣлалось и говорилось въ часы пріѣзда нашего въ Успенское по сію пору. Наскоро скажу тебѣ что мы урывками занимались немного, потому что большую часть время, изъ приличія надобно сидѣть съ Дядей. Каждое послѣ-обѣда ѣздимъ съ Ванюшей кататься, и проѣзжая мимо Лапкова телеграфическими знаками поощщемъ Кипридину посланницу (гадкую, вонючую, нечесаную, босаногую дѣвку Цыхановскихъ) что готовы нынѣшнимъ вечеромъ жертвовать ее Богинѣ. Вечеромъ когда урвемся изъ гостиной или не играемъ въ биліартъ, то уйдемъ наверхъ, гдѣ или пишу къ тебѣ предлагаемую дребедень или вмѣстѣ съ Иваномъ переводимъ Лорда Байрона (его письма) готовя ихъ къ напечатанію. Замѣчательнаго въ продолженіи этихъ трехъ или четырехъ сутокъ случилось только то, что въ четвергъ то есть на третій день нашего пріѣзда мы обѣдали на Ивашковѣ, гдѣ послѣ обѣда Илюша представлялъ разные фокусъ-покусы,

такъ смѣшно и такъ похоже ухватками на Италіянцовъ шарлатановъ что мы помирали со смѣху. *) Нынче утромъ я всталъ рано; ходилъ слушать панихиду по матушкѣ; съ текущей минуты постараюсь ежедневно что нибудь сюда вписывать. Нынѣшній день буду съ нетерпеніемъ ожидать почту къ завтрашнему утру, съ которою ожидаю писемъ отъ тебя и своихъ изъ Москвы.

30-е. Понедѣльникъ.

Третьяго дни я не успѣлъ окончить или л. е. продолжать моихъ записокъ. Ванюша пошелъ ко мнѣ часу въ 10-мъ утра и сталъ читать мнѣ изъ Алибера (Phisiologie des passions) повѣсть подъ названіемъ *le pauvre Pierre*, и давно не читывалъ и рѣдко попадается что нибудь читать равнаго сему силою и полнотою слога, смѣлостію очерка характера, живописностію картинъ; однимъ словомъ, чтобъ удовлетворяло такъ вполнѣ моему взыскательному воображенію; чтеніе продлилось до обѣда, послѣ котораго немного погоди отправились мы съ Ванюшомъ въ однихъ саняхъ, Александр. съ Машей въ другихъ кататься; по возвращеніи принялись въ двоемъ переводить Убогаго Петра, писавши по очереди подъ диктантомъ; прочли еще двѣ повѣсти изъ Алибера и сошли въ низъ: посидѣвши немного тамъ и поигравши въ биліартъ, что обыкновенно мы дѣлаемъ по вечерамъ до упада съ братомъ Ванюшомъ а до обѣда умѣренно съ M-r l'Abbé, взошли мы къ послѣднему **), которому всякой вечеръ посвящаемъ часа два. День кончился ужиномъ и незначущими разговорами.

Вчера утромъ (Воскрѣсенье) сдва проснулся, какъ принесли мнѣ съ почты письма и другія полученныя съ пріѣхавшимъ изъ Москвы человѣкомъ 2 отъ Володи, 2 отъ Темиры, 1 отъ Вяземскаго и 1 отъ Гр. Егора; въ нихъ интереснаго заключалось только извѣстіе о покупкѣ Ник. Ильичемъ подмосковной, близъ Братовщины славное имѣніе 300 душъ; впрочемъ промышленныя: половина крестьянъ въ Москвѣ извозничаютъ, другая работаетъ на Гребневской фабрикѣ. Всѣ ходили къ обѣдни; до обѣда ***) игралъ съ M-r l'Abbé на биліартѣ. Послѣ обѣда съ Ванюшомъ спали; вечеромъ играли на биліартѣ и сидѣли у M-r l'Abbé. Послѣ ужина разговаривали долго. Отецъ Петръ разсказывалъ намъ кое что о 12-мъ годѣ. Сказывалъ какъ на каждой зарѣ обозначалось имъ зарево Московскаго пожара между Суценымъ и Выхолкою; какъ разъ однимъ утромъ пришедшіе къ нему на молотбу Березинскіе крестьяне съ удивленіемъ сказывали ому, что въ ночи слышали сильный громовый ударъ, который, потому что въ послѣдствіи сѣдѣли, былъ взрывъ Кремля. (Я замѣчаю и записываю это, какъ вещь замѣчательную, въ разстояніи 80 верстъ; эта подробность могла бы сдѣ-

*) Мы много толковали все это время съ Аббатомъ о моей женидьбѣ на В. Г онъ противъ этого какъ ты можешь это себѣ представить.

**) Онъ читалъ намъ изъ Алибера, la jeune de Villefranche и бѣдная старикъ обливался слезами.

***) Тутъ обѣдали Шевыревскіе.

латься со временемъ достояніемъ исторіи.) Пришедши домой, гдѣ была принесена чистѣйшая жертва Кипридѣ, и мной и братомъ, мы заснули.

Зачѣмъ не получилъ я отъ тебя писемъ, любезный другъ? къ счастію, что получила таковое Александрина, по которому я и узналъ, что ты здоровъ. Не позабудь, ради всего прислать Александринѣ какъ можно поспѣшнѣе, форму просьбы; зачѣмъ ты все откладываешь? Въ Москвѣ надѣюсь найти отъ тебя письма.

13-е Марта 1820. С.Петербургъ.

Только то читать въ слухъ что можно.

Погода препесносная; снѣгъ и ветеръ. Всѣ на похоронахъ въ Бозѣ Почивающаго; я одинъ дома отъ простуднаго насморка и кашля. Дядя Сергѣй Ильичъ, братъ Николай и двоюродные братья всѣ здоровы. Живу здѣсь какъ человѣкъ чего то ожидающій, хотя и неспособный надѣяться, безъ всякаго права притязать на что либо и какъ кажется, повидимому, возвращусь въ Москву съ тѣмъ же съ чѣмъ выѣхалъ; то есть, въ шифирныхъ эполетахъ и темнинькомъ мундирѣ (который очень присталъ къ темнинькому существованію) безъ ропота на темное будущее. Повѣришь ли? я здѣсь испыталъ это; жизнь мени такъ охолодила что честолюбіе уже во все почти не волнуетъ; а попалымъ образомъ, какъ прежде, никогда; а коли, что подъ часъ и вспыхнетъ такъ по извѣстному тебѣ выраженію: *какъ огонекъ надъ гнилымъ болотомъ*; сравненіе меня достойное!

Что вы съ Иваномъ, друзья мои, подѣлываете? Какъ поживу здѣсь сколько кажется нужнымъ для приличія, и сколько нужно сердцу пожить съ Николаемъ возвращусь лѣтомъ къ вамъ, мнѣ замѣнившимъ дружбою вашею всѣ свѣтскія радости.

Прошу увѣдомить подробно какое произвели дѣйствіе письма мои къ Батюшкѣ; о трекляномъ камеръ-юнкерствѣ писанное на бумагу въ первыи минуты душевнаго разочарованія; боюсь чтобъ въ немъ не выпрыгнуло, что нибудь неумѣстно сильное. Вотъ это *про одного про тебя и про Ваню*: Сергѣй Ильичъ намѣревается, какъ кажется, ѣхать на Кавказъ для Маши Серг. Мы такъ съ Николаемъ устроиваемъ, чтобъ онъ поговорилъ или замолвилъ къ статѣ о твоемъ путешествіи; а я буду вести свои дѣла такимъ образомъ, чтобы тебѣ сопутствовать. Начинаю здѣсь денежно-книжную спекуляцію которая можетъ доставить *тысячки три денегъ*. Вижу отъ сюда какъ вы съ Иваномъ хощуиствуете и глядя на строки эти улыбаетесь: вотъ Александръ, онъ весь тутъ: легковѣрный, легкомысленно-предпримчивый, никогда не спокойный.

ни на шагъ безъ чего нибудь новинькаго и проч. и проч. и проч. Погодите и посмотримъ. Сожалѣю только, что нѣтъ со мною брата Ивана готоваго и способнаго пріобрѣтать и нѣтъ тѣхъ денегъ, которыя нужны для зачину, но въ послѣднемъ случаѣ надѣюсь извернутся посредствомъ *кредита* — сей важной пружины счастія, богатства и благоденствія государствъ и народовъ не только же лицъ. Не принимайте этаго письма за бредъ горячешный; это мой бредъ головной. Прощайте, друзья! Отъ чего Иванъ мнѣ ничего не пишетъ; а я ничего не знаю ни про него ни про сердечныхъ Успонскихъ.

1820-го 2-е Августа. Слобода Таволжанка.

Дай вамъ Боже здоровья, счастья и монѣе лѣности друзья мои Владиміръ и Иванъ! Я уѣхавши отъ Кологривовыхъ ѣхалъ безостановочно до сюда ни на что не смотря и потому ничего не осматривая да кажется и нечего. Курскую Губернію по истинѣ назвать можно *закормомъ*. На черноземѣ ее все рождается славно безъ угобженія, но пахарь только сытъ; а не богатъ; нѣтъ путей къ сбыту. Я еще теперь не въ настоящей Малороссіи а много уже разности съ мать-страною Великою Россіею. По разсказамъ старожиловъ-наблюдателей *здешній* край очень обѣднялъ противу прежняго, что, за исключеніемъ общихъ причинъ, приписываютъ особенно сосѣдству военныхъ поселеній и управленію Курскою Губерніею Кажухова. Но какъ здѣсь такъ и вездѣ столь сильно всѣ увѣрены въ пламенномъ желаніи Государя Императора къ увраченію сихъ язвъ, что всѣ съ нетерпеніемъ ждутъ коронаціи, надѣясь на богатыя, Царскія милости. Я пріѣхалъ сюда 27-го, т. е. во вторникъ вечеромъ; радостный и радушный пріемъ Е. А. меня удержали здѣсь до сегодняшняго дня. Завтра (3-е Августа) пускаюсь въ Харьковъ. Съ нетерпеніемъ буду ждать отъ васъ извѣстій. Ничего не знаю про твое здоровье Владиміръ? Каковъ Сергій Ильичъ? Душевно сожалею, что не удалось еще проститься съ Александриною, которая вѣроятно собирается блеснуть на коронаціи и уже съ позаранка зарылась вѣрно вся въ блесткахъ и мишурѣ. Поцѣлуйте ее за меня. Что ты подѣлываешь Иванъ душа моя? Здоровъ ли нашъ почтенный другъ? Видаетесь ли вы съ Гр. Александромъ. Читайте ему изъ моихъ писемъ все, что заблагорассудите. Что знаете про Николая? Естьли Грибоѣдовъ не уѣхалъ поклонитесь ему объ руку. Переломите себя то есть ходячую, олицетворенную лѣнь и напишите ко мнѣ. Прощайте до Кіева, откуда надѣюсь написать къ вамъ. Володя, не позабывай высылать мнѣ Манифесты и все любопытное, доставляя мнѣ тѣмъ удовольствіе читать эти подарки двумя, тремя днями ранѣе. Лизу и Пашу цѣлую и васъ всѣхъ. Еще разъ прощайте. Не позабывайте кровно и по гробъ васъ любящаго брата Александра Му.

P. S. Я прожилъ здѣсь долго но не раскаиваюсь. Володя, храни мои письма по порядку; пожалуйста не теряй и сдѣлай особенную папку, и къ тебѣ и къ Батюшкѣ.

На оборотѣ:

Его благородію. Владиміру Алексѣевичу Муханову

въ Москвѣ.

въ домѣ Сенатора Муханова. на Остоженкѣ.

4 Августа 1826. Харьковъ.

Я распечатываю мое письмо, любезные друзья, чтобъ съ вами поздаровываться изъ Харькова. Нынче ночью сюда пріѣхалъ; сей часъ осматривалъ въ Университетѣ Кабинеты: Минералогической и Зоологической; въ послѣднемъ изъ замѣчательнѣйшихъ вѣщей видѣлъ двухъ огромныхъ пеликановъ залѣтевшихъ въ здѣшнюю Губернію съ Азовскаго поморья, слѣдуя теченью Дона и Донца. Отъ туда ѣздилъ въ Университетскій садъ, здешнее городское гульбище, къ нему присоединенъ и Ботанической, богатой собраніемъ слишкомъ 6000 различныхъ растеній. Я между тѣмъ досталъ тамъ сѣмянъ, отличнѣйшей бѣлой акаціи душистой и дикой маслины душистой; одно деревомъ, другой большимъ кустомъ растущи и оба къ зимовью даже и въ Московской Губерніи акклиматированныя. Прощайте. Прочтите эту писулку Батюшки, къ которому скоро вышлю и семяна съ наставленіемъ.

28-го Сентября 1826. Тульчинъ.

По полученнымъ здѣсь извѣстіямъ изъ Москвы, Меньшиковъ со свитою возвратился въ Тифлисъ; ты долженъ быть успокоенъ, любезный другъ, на счетъ брата Егора; во первыхъ поздравляю тебя съ этою новостію, а во вторыхъ съ кудрявымъ Владиміромъ. Напиши мнѣ поскорѣй, что ты знаешь про Егора и имѣешь ли о немъ прямыя свѣденія?

Въ слѣдствіе собранныхъ мною, по пріѣздѣ сюда, мѣстныхъ свѣденій, которыя изобличили мнѣ глупое и подлическое шпіонство нашихъ почтамтовъ, я не могъ вовсѣ писать къ тебѣ или принужденъ былъ: то пусловить, то объясняться притчами, столько же для тебя, можетъ быть, непонятными на разстояніи 1500 верстъ, сколько вместѣ съ тѣмъ легко возбудительными для ревниваго подозрѣнія строгихъ и безсмысленныхъ цѣнителей самыхъ простыхъ и вовсѣ не подозрительныхъ изрѣченій. Да мнѣ же и доказано, что письма частехонько ни ко мнѣ, ни отъ меня не доходятъ.

Досѣлѣ жилъ я здѣсь съ надѣяніемъ на войну. Сей часъ получили курьера отъ Воронцова съ извѣстіемъ, что нечестивые на все согласились (кажется по многимъ признакамъ, что притворно!). Меня это огорчило: не такъ какъ молодыхъ мечтателей о славѣ, а какъ человѣка, который желалъ бы грустную и безцвѣтную жизнь свою насѣлить какими нибудь воспоминаніями. Ожиданіе этого рѣшенія отвлекло меня отъ желанной поѣздки въ Крымъ, а нынѣшняя новость возвращаетъ снова къ могильному единообразію и холоду жизни. Ты не можешь себѣ представить какъ глупа и мертва теперешняя резиденція! Люди, съ которыми живу, бродятъ по жизненной стезѣ какъ Китайскія тѣни: безстрастныя, равнодушныя! или какъ ослы по горнымъ тропинкамъ—вого ва могу! и что всего ужаснѣе: не отъ нихъ и не съ ними пріобрѣтешь что нибудь новаго, совершеннѣйшаго; а прошу еще свой запасъ тратить на эту челядь неимущую. Не ищи уже здѣсь источниковъ живой воды просвѣщенія: новыхъ книгъ, заграничныхъ журналовъ! Тебѣ даже не удастся заглянуть и на подернутое журнальной тиной, стоячее болото Русской Литературы, на которомъ бездушные наши умники сидятъ какъ дичь съ длинными носами! Повѣришь ли что не съ кѣмъ слова молвить? А вмѣстѣ съ тѣмъ какъ оглянусь около себя такъ обстоятельства такія, что промѣнять этаго не на что, и изъ худшаго лучшѣе! Дожидаюсь отвѣта и рекомендаціи твоихъ въ половинѣ будущаго мѣсяца поѣду въ Одессу, гдѣ проживу дней 15-ть; а въ Ноябрѣ или первыхъ числахъ Декабря хочу пуститься въ Москву. Застану ли я тебя тамъ, любезный другъ? Отвѣчай мнѣ на все подробно; напиши состоится ли твоя поѣздка за границу и когда именно. Я не знаю отъ чего мнѣ кажется, что ты будешь уже въ Грузіи когда это письмо дойдетъ въ Москву. Ты бы могъ справиться, посредствомъ Пиля Муханова, когда поѣдетъ сюда Урусовъ или Будбергъ и написать мнѣ съ ними. Увѣдомь также какого твое здоровье, кого въ Москвѣ видаешь или видалъ ты изъ занимательныхъ и чѣмъ занимаешься? Я нарочно съѣзжу въ Кишиневъ если ты пришлешь мнѣ письмо къ Тимковскому. Гдѣ былъ ты во время коронаціи. Прощай, любезный другъ. Да пасетъ тебя Богъ, и твоихъ избранныхъ. Не позабывай меня какъ искренно и безпредѣльно тебя любящаго А. Муханова.

1827-го года. Тульчинъ.

1-е Генваря. Не попалъ къ обѣдни. Ходилъ пѣшкомъ и былъ у Будберіи. Юзефка. Хотѣлъ узнать что нибудь про древнюю исторію Крыма и прочелъ ученый бредъ Муравьева-Апостола на предполагаемыхъ развалинахъ Ольвіи.

2-е Генваря. Воскресенье. Та же хандра!

3-е Генваря. Ходилъ въ Палацъ проститься съ отъѣзжающею въ Петер-

бургъ К. Еміліею Тр. Ходили съ Будбергомъ гулять и остановившись на *стаю*, забавлялись съ ½ часа киданіемъ льдинъ по зеркальной поверхности; вдругъ ледъ затрещалъ—мы сбѣжали на берегъ, преслѣдуемые хохотомъ стоящихъ на льду прачекъ. Обошли весь *хорошъ*. Такъ тепло что жарко въ шинели. Въ саду новая показалась трава. Вечеромъ получилъ письмо отъ брата. До полуночи забавлялся краснобайствомъ Петрова. По возвращеніи читалъ въ Муравьевѣ-Апостолѣ разсужденіе о Генуезскихъ посѣленіяхъ въ Тавридѣ. Нынче вечеромъ выпалъ снѣгъ.

4-е. Утромъ ходилъ гулять, вечеромъ былъ въ театрѣ.

5-е Генваря. Утромъ писалъ къ Володѣ и Николаю; вечеромъ игралъ въ *мушку* у Горленкувнѣ. Читалъ подробности о сообществѣ существовавшемъ въ 1815-мъ году во Франціи и имѣвшемъ цѣлію уничтоженіе Наполеоновой династіи и призваніе Бурбоновъ.

6-е Генваря. Цѣлое утро разбирался въ бумагахъ и книгахъ, готовясь къ отъѣзду. Полу-больной ходилъ гулять. Юзефка. Къ обѣду пришелъ Будбергъ и принесъ мнѣ съ почты письмо отъ Николая; онъ извѣщаетъ о кончинѣ Гр. Маріи Алекс. Толстой. Къ вечеру еще болѣе разболѣлся; насилу доѣхалъ домой. Часть ночи страдалъ головною болью и рвотою. Въ 2-ва часа ночи писалъ къ брату Николаю и къ сестрѣ Т.

7-е Генваря. Ночью выпалъ снѣгъ и оживилъ надѣжду мою ѣхать въ Москву. Писалъ къ Графу Александру. Приводилъ въ порядокъ бумаги и счеты. Обѣдалъ съ Будбергомъ. Вечеромъ ѣздилъ къ Коменданту, къ Урусову и играли у Могучаго въ *мушку*.

Москва. 1827. Май.

25-го. Простился съ Батюшкой.

26-го.

27-го. Пріѣхалъ въ Остафьево. Писалъ къ Батюшки, къ Владиміру, къ Близор.

28-е. Получилъ письма отъ Владиміра, отъ меньшихъ сестеръ и Близор.

29-е. Ѣздили съ Вяземскими на деревенскій праздникъ.

30-е. Вяземской уѣхалъ въ Москву. Ѣздилъ вечеромъ въ Уское.

31-е. Уѣхалъ изъ Остафьева, въ 5 часовъ по полудни. Читалъ дорогой романъ Benjamin-Constant: Adolphe.

Іюнь

1-е. Пріѣхалъ въ Калугу; отъ туда къ 9-ти часамъ вечера въ Желѣзцово.

2-е. Получилъ письма изъ Москвы отъ Владиміра и всѣхъ сестеръ.

3-е. Кончилъ Adolphe.

4-е. Писалъ къ сестрамъ и Володѣ.

5-е. Обѣдни—Кликуша.

6-е. Выѣхалъ изъ Желѣзцова, въ 11-ть часовъ утра. С. И. съ сестрами проводилъ до Роговичей. Вечеромъ видѣлся на станціи Юринѣ съ Горленкой, останавливался на нѣсколько часовъ отдохнуть въ Бѣлевѣ.

7-е. Ходилъ утромъ смотрѣть домъ, въ которомъ скончалась Елисавета Алексѣевна; въ саду показывали мнѣ кирпичную пирамидку поставленную надъ остатками произшедшими отъ вскрытія тѣла. Остановился ночевать въ Хотитовѣ.

8-е. Пріѣхалъ ночевать въ Курскъ.

9-е. Пріѣхалъ ночевать въ Бѣлгородъ.

10-е. Ярмонка въ Бѣлгородѣ. Смотрѣлъ въ соборѣ мощи Іосафа. Корыстолюбивый монахъ, смѣшные вопросы бибъ получающихъ хлопчатую бумагу. Пріѣхалъ въ ½ 2-го по полудни въ Таволжанку. Нашелъ здѣсь письма отъ своихъ съ извѣстіемъ, что произведенъ въ Штабсъ-Капитаны.

11-е. Читалъ утромъ жизнь Benjamin Franklin.

12-е. Ѣздили гулять.

13-е. Писалъ къ Батюшки, къ сест. Татьянѣ и къ брату Ивану.

14-е. Писалъ къ Володи подъ № 4 и къ Николаю подъ № 1.

15-е. Писалъ къ Павлу, къ Вяземскому, къ Лизѣ и Пашѣ—и всѣ письма съ вечеру на завтра отправлены въ Бѣлгородъ на почту.

16-е. Читалъ въ Simaud Voyage en Suisse, статьи: Pestalozzi, Cappet, Fallenberg или Haffel и проч.—Купался.

17-е-18-е. Получилъ письмо отъ близорукой. Выѣхалъ въ Харьковъ въ 2-ва часа по полудни; пріѣхалъ въ 2-ва часа по полуночи.

18-е. Ѣздилъ видѣться къ Стрѣкалову; былъ у Заринои; въ Университетъ; писалъ къ Николаю, подъ № 2 и послалъ 10 рублей; писалъ къ Келлеру и послалъ 27 рублей. Обѣдалъ у Даниловича и Криницкаго. Въ Харьковѣ казенныхъ студентовъ 100, изъ коихъ 40 медицинскихъ; своекоштныхъ 200; чтожъ это когда подумаешь, что кромѣ пространства земли, на которое должно бы литься просвѣщеніе, Астраханъ, Грузія, Крымъ принадлѣжать или прилѣжать также къ Харькову.—Послѣ обѣда гулялъ въ Университетскомъ саду и у Витковскаго; писалъ къ Володи подъ 5 № и къ Келлеру. Университетъ, также какъ и Московской, дѣлится на 4-ре отдѣленія; уставъ тотъ же.

19-е. Выѣхалъ часовъ въ 7-мь утра изъ Харькова; обѣдалъ и отдыхалъ въ Валкахъ; ѣхалъ всю ночь.

20-е. Обѣдалъ и отдыхалъ въ Рѣшетиловкѣ. Вечеромъ пріѣхалъ въ Омельникъ купался въ Псёлѣ. Пріѣхалъ на ночь въ Кременчугъ.

21-е. Оставался день въ Кременчугѣ. Ѣздилъ утромъ на конную; смотрѣлъ публичный садъ; ходилъ по лавкамъ вездѣ приготовленія къ ярмонкѣ. Вечеромъ купался въ Днепрѣ. Городъ богатый стоитъ по обоимъ сторонамъ Днепра; такъ что одна часть его въ Полтавской Губерніи а другая въ Херсонской. По адѣшнему областному выраженію торговцы *занимаются берегомъ*: т. е. ведутъ значительный торгъ лѣсомъ, который также какъ деготь и проч. сплавливается сюда Днепромъ. Промышленныя выгоды приманили сюда много Русскихъ. Здѣсь много уже Жидовъ но промышленность ихъ питаетъ, такъ какъ саранчу питаетъ хлѣбъ, ею истребляемой. Напившись у Duloup чаю, въ 9-ть часовъ вечера пустился далѣе. Какъ жаль, что мы ничего не знаемъ, да у насъ и нѣтъ ничего, подробнаго, топографическаго, о теченіи рѣкъ, о прибрѣжныхъ промыслахъ, о сношеніяхъ посредствомъ водяныхъ сообщеній, о потребностяхъ, нуждахъ, недостаткахъ и излишествахъ такого то или другаго края! Сольется ли когда нибудь Россія въ одно цѣлое, въ одно *мочно* съ образомъ и подобіемъ, подъ единство законодательства, единство правленія. Когда проведутся по ней шоссеи? прорѣжатся каналы, заведутся школы и пр. и пр.? Что я не *жидъ бродяга;* пришелъ бы черезъ нѣсколько вѣковъ взглянуть на нее процвѣтающую, могущественную!!

Сколько могъ замѣтить ночью, отъ самаго Кременчуга ѣхалъ уже степью, не встрѣчая сёленій между станціями.

Я всѣ эти дни читалъ Исторію Петра Великаго, Волтеромъ написанную. Врагъ христіанства, глубокій мыслитель, ловкой и злой насмѣшникъ, адвокатъ вселенной не отличился въ этомъ подвигѣ. Да впротчемъ можетъ быть Петру также какъ и Наполеону не приходятся по плечу французская Кліо; ужели и Вальтеръ-Скотъ станетъ мѣрить вершками Наполеона на свой англинской аршинъ? Естьлибъ можно было придать Вал.-Скоту космополитизмъ Байрона, то Наполеонъ былъ бы не въ проигрышѣ.

22-е. Середа. Проѣхавъ всю прошедшую ночь пріѣхалъ къ обѣду въ Елисаветградъ гдѣ чинили бричьку и отдыхалъ; подъ вечеръ выѣхалъ далѣе.

23-е. Четвергъ. Подъ утро уснулъ нѣсколько въ Новомиргородѣ. Въ Шполѣ повстрѣчался и сидѣлъ на станціи съ Бахметьевымъ Нижегородскимъ Воен. Генер. Губернаторомъ. Къ вечеру пріѣхалъ въ

Умань; ѣздилъ смотрѣть Софьевку и купался. Содержатель Уманской станціи Еврей Гурвесъ, отлично умной человѣкъ, говорилъ мнѣ много о своемъ законѣ о безсмысленности толкователей—Талмудистовъ и проч.

24-е. Пятница. Въ 10-мъ часу утра пріѣхалъ въ Тульчинъ. Обѣдалъ у Барышникова. Получилъ отъ Полеваго Телеграфъ — письма отъ сестеръ изъ Москвы. Читалъ Инвалидъ и Сѣверную Пчелу. Сонеты Мицкевича и критика Вяземскаго.

25-е. Суббота. Являлся дежурному Генералу; былъ у развода и у обѣдни. Писалъ Журналъ. Получилъ 2-ва предписанія: о доставленіи свѣденія касательно имѣнія, и объ отправленіи въ 19-ю дивизію, для ожиданія тамъ Графа. Читалъ Voyage en Suisse de Simaud. Обѣдалъ дома. Началъ переводить статью изъ Simaud объ Англичанахъ. Ѣздилъ купаться. Заѣзжалъ къ Жеребцову—гулялъ.

26-е. Воскресенье. Читалъ Simaud и переводилъ. Ѣздилъ въ костёлъ и къ Колошину; обѣдалъ у Барышникова. Вечеромъ былъ у Потоцкихъ. У меня сошлись, играли въ вистъ.

Тульчинъ. 18-е Августа 1827.

Я получилъ, милый другъ, письмо твое отъ 31-го прошедшаго мѣсяца, въ 11-ть дней ко мнѣ дошедшее. Спасибо тебѣ за него и за приложенное письмецо отъ Владиміра, отъ котораго получилъ письмо на одной почтѣ съ твоимъ. Володя пишетъ ко мнѣ отъ 2-го Августа. Здоровье его, хотя и зыбкое, но кое какъ держится. Онъ изъясняетъ мнѣ, что ему очень непріятно нынѣшній годъ жить въ Успенскомъ, ибо по крайнѣму разстройству домашнихъ или л. с. хозяйственныхъ дѣлъ Ивана Ил., полагаетъ, что продолжительныя посѣщенія цѣлыхъ семействъ съ челядью и лошадьми, становится въ тягость;—и признаюсь я съ нимъ очень согласенъ; но это должно причислить къ несообразностямъ стариковъ нашихъ прожившихъ вѣкъ свой безъ *анализу*, (по выраженію M-me Staël) и отчета, — два условія необходимыя въ существованія нашего поколѣнія. Меня послѣдніе твои письма особенно радовали: ты попалъ въ настоящую колею жизни; отжить свой вѣкъ кое-какъ—каждый и всегда сумѣетъ; а умѣючи прожить его хорошо—трудно и рѣдко! Ничто не придаетъ человѣку столько философіи какъ сама жизнь и привычка смотрѣть на нее съ важностію; это одинъ способъ уловить въ ней лучшее и имъ воспользоваться. Я не живу такъ какъ ты среди цвѣтовъ, куренія и радости, но съ нѣкоторыхъ поръ не знаю, что такое скука, а вытерпливаю только временемъ грусть, которая вме-

ствѣ съ радостію входятъ въ составъ нашего бытія и разнообразятъ его, другъ друга смѣняя. Но перейдемъ къ другому, я заумничался.

Спасибо Феодору Хомякову за его приписку въ твоемъ письмѣ. Не знаю отъ чего мы съ нимъ переписываемся околицею а не прямо—точно какъ будто бы любили другъ друга только въ близи а едва одинъ изъ насъ проѣдетъ шлахъ-баумъ, какъ всѣ отношенія прекращаются.

Прилагаю при семъ 85 руб. денегъ и покорнѣйше прошу тебя нимало не медля потрудится съѣздить въ Штабъ и купить для меня въ Депо картъ Крымскую карту по прилагаемому оглавленію, которую ты немедленно жъ пошлешь ко мнѣ по почтѣ, а естьли возможно, то и по экстрѣ. Естьли ты поспѣшишь повериутъ этимъ дѣломъ то она приспѣетъ сюда къ времени и ее успѣютъ подклѣить къ моему отъѣзду. Я уѣду отъ сюда 2-го или 3-го Сентября въ Одессу, гдѣ найдя Ген. Киселева отправлюсь съ нимъ вместѣ моремъ въ Севастополь для объѣзда южнаго берега и южной части Таврическаго полуострова. Прошу тебя ничего не говорить объ этомъ Остину (Ostin). Quant à la famille ou plutôt au père qui me laisse dans une pénurie complette je l'ai informé que je partais dans les premiers de Septembre, pour affaire de service, et sans lui préciser le lieu de mes exploits, je disais devoir parcourir une espace de 2000 verstes environ, espérant toucher par là sa sollicitude paternelle. Je vous fais part de tout cela afin que vous vous y conformiez. Dépechez vous de m'envoyer cette carte que je vous demande; vous m'obligerez beaucoup. Mettez moi en relation avec quelqu'un pour le tems de votre absence. Je n'ai personne à qui recourir en cas de besoin. Хомяковъ ne sera-t-il pas assez complaisant pour se charger de faire mes commissions qui ne seront pas nombreuses et pûrement bibliographiques.

Вотъ оглавленіе:

„Военная топографическая карта полуострова Крыма, составленная по новѣйшимъ астрономическимъ наблюденіямъ, исправленная и пополненная изъ лучшихъ военныхъ съемокъ Г. М. Мухинымъ на 10 листахъ въ 1810-мъ году— 35 р.“

Не ругай меня за посылку тебѣ на сіе порученіе денегъ;—это точность необходимая! А ты можешь быть безъ гроша когда придетъ мое письмо.

Не грусти о моей нищетѣ я не менѣе твоего привыкъ нуждаться и какъ рыба колотиться объ ледъ но ты въ безпрестанномъ представленіи, а я безъ малѣйшаго стыда могу ходить и въ сапогахъ и въ штанахъ разорванныхъ или л. с. безъ сапогъ и безъ штановъ.

Прошу продолжать писать какъ можно чаще; мнѣ всѣ письма будутъ пересылаться и я писать буду нерѣдко. Прощай душа моя! Прошу прислать мнѣ на всякій случай адресъ Хомякова.

10-е Октября 1827. Тульчинъ.

Ты завтра намѣревался выѣхать въ Москву: надѣюсь, что это сбудется полагаю, что письмо это отправляемое съ Муравьевымъ застанетъ тебя уже въ Москвѣ.

Отвѣчавши тебѣ, по возвращеніи моемъ сюда изъ Каменки, на письма твои отъ 30-го Сентября и 5-го Октября, мною здѣсь полученныя 10-го текущаго, и воздержался спросить тебя, что значатъ непонятныя для меня слова твои; говоря о Петербургѣ ты пишешь между прочимъ следующее: „я уѣзжаю „въ самое любопытное время: всякій день можетъ быть что нибудь новое.— и „весьма любопытное." Къ чему отнести сіи слова: къ ожидаемому объявленію войны, или къ какимъ нибудь перемѣнамъ Государственнымъ, Императоромъ въ управленіи предположеннымъ? Въ обоихъ случаяхъ любопытство законнымъ образомъ подстрекается. Намѣкни естьли можно половчѣе о чемъ идетъ дѣло.

Что сказать тебѣ про себя. Я живу здѣсь устремляя всѣ усилія свои къ полученію чина Гвардейскаго Штабсъ-Капитана и кажется дѣло начинаетъ слаживаться. Естьлибъ удалось быть переведеннымъ въ Старую Гвардію, то на случай войны недурно, а на случай мира прекрасно—ибо всѣ мои надѣжды и желанія, съ нѣкотораго времени, стремятся къ преобразованію себя изъ военныхъ въ гражданскіе. Тутъ дѣло, какъ ты видишь, идетъ уже не изъ честолюбія а просто изъ соблюденія спокойствія и нѣкоторой независимости для меня необходимыхъ. Теперешнее мое существованіе лишаетъ меня всѣхъ тѣхъ житейскихъ выгодъ безъ которыхъ люди нашего времени—какъ безъ воздуха; отдаленіе отъ всякаго просвѣщенія несносно; вместо того, чтобъ подвигаться съ другими впередъ, питишься и ржавѣешь! Впрочемъ я ни въ какомъ случаѣ торопиться не буду. Какъ мнѣ отъ сюда, по вышеобъясненнымъ причинамъ, оторваться невозможно то и не знаю когда увидимся Одна неожиданная случайность можетъ доставить сію выгоду прежде будущей зимы Пребываніе мое въ Каменкѣ, продлившееся болѣе мѣсяца, сблизило меня съ Фельдмаршаломъ, но въ замѣну лишило было хорошаго расположенія Киселева, отъ сплетней и пронырствъ штабныхъ клевретовъ. Но дѣло справилось.

Наступленіе осѣни и приближеніе зимы давятъ меня всею своею тягостію. Эти времена года въ здѣшнемъ краѣ несносны, дѣлаи человѣка совершенно неподвижнымъ; одни приподки сплина чего стоютъ! Завидую твоему пребыванію въ Москвѣ, относительно семейства и весьма, весьма малаго числа людей мнѣ тамъ пріятныхъ; проведенная мною тамъ последняя зима набила пріторную оскомину, я самъ виноватъ, что *пустился на блудъ семи*, но въ Европейскомъ городѣ и мысль бы такая не пришла. Москва только и хороша въ Масленицу и Свѣтлую недѣлю, повторяю съ Вяземскимъ:

Есть наслажденіе и въ дикости Москвы! но жить въ ней, чтобъ веселиться или вообще для пріятностей упаси Господи! Опиши мнѣ Дениса Д.; я воображаю какъ онъ блюетъ теперь на все и на всѣхъ, ликуи и радуись, что нашихъ тамъ колотитъ. Вообрази Николай, что будетъ когда явится отъ туда *героя Тёля*. Не правда ли, что до сихъ поръ, всѣ воинскіе его подвиги, очень схожи на пародію воина; онъ все какъ то подосиѣваетъ къ страннымъ и смѣшнымъ битвамъ (смѣшнымъ въ смыслѣ воинномъ); недостаетъ только одного, пропустилъ случай быть въ свитѣ Ангулемскаго во время Испанскаго похода. А отъ чего это?—Отъ того что не понимаетъ духа времени и не отдавая себѣ отчета въ немъ дѣлается повсюду смѣшнымъ и какъ то неумѣстнымъ! Я хотелъ было написать ему, что честолюбцамъ служащимъ въ теперешнюю войну, лучшее что остается сдѣлать—это умереть! Потому, что имена убитыхъ прапорщиковъ пѣчатаются нынѣ въ газетахъ. И что за религія, что за примѣры мужества—точно безсмыслица и лганьсцо Полуектова, когда онъ передъ сестрицами и тетушками храбрится!

Сей часъ узнаю, что Муравьевъ скорѣе ѣдитъ нежели предполагалъ; крайнѣ сожалѣю ибо и было разболтался съ вами, мои милые, и позабылся; повѣрите ли что такъ иногда тяжко здѣсь приходится, что духу не переводешь отъ тоски и пустоты сердѣчной.

Я было писалъ это письмо Николаю, надѣясь писать особенно Владиміру, но какъ теперь не стало времени то пишу вамъ вместѣ. Прощайте, друзья мои, да хранитъ васъ провидѣніе. Сообщите его Ивану въ полкѣ и сестрамъ, что можно.

Естьли Наземскаго нѣтъ въ Москвѣ прошу не посылать по почтѣ къ нему письма моего.

29 Іюня 1828. Лагерь подъ Базарджикомъ.

Я писалъ къ вамъ нѣсколько дней тому назадъ, любезнѣйшій Батюшка, и то письмо дойдетъ къ вамъ вмѣстѣ съ симъ, ибо не имѣлъ случая доставить. Молю Бога чтобъ вы съ милыми сестрами и братьями были здоровы. У насъ начались жары чрезмѣрные; вчера было 44° на солнце; не смотри на оное и на труды походные я здоровъ. Съ тѣхъ поръ какъ я уѣхалъ изъ подъ Браилова не слыхалъ ни одного выстрела; впрочемъ только было на дняхъ одно авангардное дѣло. Брату Николаю не удалось къ намъ уѣхать, что крайнѣ мнѣ прискорбно; я желалъ сего горячо для насъ и для него. Край, который мы проходили до сихъ поръ съ Дуная, не прельстителенъ; исключая прекраснаго мѣста отъ Дуная до Бабадага—голая степь и часто безводная. Верстъ 80 какъ начинается земля и лѣсъ кой гдѣ опять зазеленѣлся, что много значитъ

для усталаго зрѣнія отъ степнаго единообразія; прекрасные деревья разнаго рода и виноградныя лозы, которыя такъ кажутся издали обольстительны, и промѣнилъ бы съ охотою на ель и сосны Русскія. Нельзя сказать, чтобъ труды наши походные были чрезмѣрны, но вообще сказать можно, что полезно побродить по свѣту для того чтобы болѣе любить современемъ и уголъ свой и капустныя гряды въ огородѣ. Дни два или три простоимъ еще здѣсь а далѣе Богъ вѣсть, что будетъ. Давно лишенъ объ васъ извѣстія; ожидаю его съ нетерпѣніемъ. Какого то Владиміру отъ пользованія искуственныхъ водъ? Какого также семейства почтеннѣйшаго Дядюшки Ивана Ильича? Гдѣ вы остаетесь лѣтомъ и не проѣдетесь ли куда нибудь? Прощайте любезнѣйшій Батюшка; да хранитъ васъ Провидѣніе! Продлите мнѣ отеческую любовь вашу и не откажите въ отеческомъ благословеніи безпредѣльно васъ любящему и покорному сыну

Александру Муханову.

На оборотѣ:

Его Превосходительству
Милостивому Государю
Алексѣю Ильичу
Муханову.

Въ Москвѣ.

Кюслуджи. 9-го Іюля 1828.

Я былъ отправленъ 2-го числа изъ лагеря, подъ Бююкджикомъ, съ козаками подъ Варну, для открытія сообщенія съ отрядомъ Гр. Сухтелена находящимся подъ сею крѣпостію, куда и прибылъ 4-го. Это число, 5-е и 6-е оставался я въ семъ отрядѣ и довольно въ жаркомъ огнѣ, что вмѣстѣ съ жаркимъ климатомъ было утомительно. 7-го вышли мы съ отрядомъ изъ подъ Варны, гдѣ насъ смѣнилъ отрядъ Генерала Ушакова; теперь находимся здѣсь въ 2-хъ переходахъ отъ Шумли и недалеко отъ нашей Главной квартиры. Вотъ тебѣ, милый другъ, реляція моихъ похожденій. Всѣ трудности и ощущенія въ этой жизни физическія, такъ что наслажденія для ума и сердца немного. По мѣрѣ отдаленія арміи отъ Дунайской границы нашей, почты не могутъ быть исправны; я крайнѣ боюсь, чтобъ пропуски времени, которые встрѣтятся между моими письмами не навлекли бы на Батюшку и на васъ всѣхъ, мои милые, безпокойства. Сдѣлай дружбу перешли скорѣй это письмо въ Москву. Я цѣлую Батюшкины ручьки и васъ всѣхъ. Дай Боже вамъ всѣмъ здоровья и счастья а мнѣ: скорѣйшаго съ вами свиданія. Вы мои лѣта и славу и честолюбіе все

охотно отдашь за счастіе, а это счастіе не находилъ я нигдѣ кромѣ дружбы и семейной жизни. Съ нетерпѣніемъ стремлюсь въ Главную квартиру, чтобъ скорѣй получить письма и о васъ что нибудь свѣдать. Прощай, душа моя; можетъ быть успѣю приписать, что нибудь изъ Главной квартиры. Безпредѣльно тебя любящій

Александръ.

19-го Іюля 1828.

Подъ Шумлой.

Душа моя не успѣвалъ отправить къ тебѣ сего письма; но отправляй его теперь въ Москву потому что перешлетъ прилагаемое на имя Батюшки. Я не успѣваю болѣе писать — нѣкогда. Милионъ разъ тебя цѣлую. Прощай душа моя. Дай Богъ тебѣ счастія и здоровья. Когда ты поѣдешь въ Москву и скоро ли Богъ приведетъ свидѣться.

Кланяйся Ивану Васильевичу естьли онъ меня помнитъ. Мое почтенье Арс. Андрѣевичу. Прощай, пиши.

М. Слатинъ, на берегахъ Ольты. 21-го Августа 1828.

Съ 22-го Іюля, т. е. со дня отъѣзда моего изъ Шумлы, я не получалъ отъ тебя ни строчьки, отъ Московскихъ родимыхъ также, что крайнѣ меня огорчаетъ. Вчера наконецъ дошла ко мнѣ твоя записочька отъ 16-го Іюля. Вижу, что письма сюда плохо доходятъ, а дѣлать нечего; коли перемѣнить способъ отправленія такъ можетъ быть еще хуже; итакъ пиши чрезъ Главную квартиру, по прежнему; тѣмъ болѣе, что я не знаю долго ли я здѣсь останусь. Между протчемъ, естьли то возможно устроился такъ, чтобъ писать ко мнѣ заблаговременно, и не въ часъ отправленія курьеровъ. О Батюшки, о сестрахъ, о Володи и о нашихъ горюющихъ ты не чего не пишешь. Храни ихъ Господь и помилуй!

24-го Августа. М. Слатинъ.

Я не успѣлъ дописать къ тебѣ въ прошедшій разъ и продолжаю теперь. Благодарю за приписку доктора Райнера. Сергѣю Николаевичу напишу; я живу на берегахъ Дуная а онъ жилъ въ это послѣднѣе время въ Одессѣ и вѣроятно не прежде воротится въ Главную квартиру, какъ съ пріѣздомъ туда Государя Императора. Я не писалъ все это время ни къ Батюшки ни къ тебѣ, потому что безпрерывно ѣздилъ; вотъ дней 5-ть какъ возвратился изъ отряда Генералъ Маіора Гейсмара дѣйствующаго противъ Калафата (укрѣпленіе по сю сторону Дуная, противъ Видина) и охраняющаго Малую Валахію. Наша Корпусная квартира переведена теперь сюда для приближенія къ мѣсту дѣй-

ствія и я отправлялся, на нѣсколько часовъ въ Букарестъ, для отсылки отъ туда людей и лошадей. Положеніе отряда нашего въ Малой Валахіи и силы Турецкія сулятъ дѣла, которыя будучи полевыми вѣроятно будутъ пріятнѣе тѣхъ, на кои я насмотрѣлся подъ стѣнами крѣпостей. По пріѣздѣ моемъ въ Букарестъ, изъ подъ Шумлы, я засталъ уже тамъ Гр. Алексѣя Толстаго и съ тѣхъ поръ мы жили вмѣстѣ, до отправленія его дней 6-ть тому назадъ, въ отрядъ Гейсмара, для принятія начальства надъ авангардомъ сего отряда, по случаю болѣзни Полковника Граббе. Какъ ты уже довелъ вѣроятно до свѣденія Графа Петра Александровича подробное письмо написанное къ тебѣ изъ подъ Шумлы, то прошу показать ему прилагаемыя письма полученныя мною отъ Графа Алексѣя и продолжать всякой разъ ему показать таковыя. Отъ Гр. Егора имѣю два письма изъ подъ Варны но весьма запоздалыя; онъ былъ здоровъ и ихъ дѣла до раны Меньшикова шли хорошо, теперь новый начальникъ, Графъ Воронцовъ. Я говорилъ уже тебѣ кажется съ какой неожиданною радостію я встрѣтилъ въ Базарджикѣ Гр. Александра, потолстѣвшаго, и ѣхавшаго курьеромъ изъ Парижа; какъ Государь былъ уже это время на морѣ и на пути къ Одессѣ, онъ сдалъ свои депеши ѣхавшимъ съ нами дипломатамъ а самъ поѣхалъ далѣе къ Шумлѣ; съ тѣхъ поръ ничего о немъ не знаю. Хомякова, безподобнаго нашего дитятю, оставилъ я въ Оранскомъ полку, въ отрядѣ Ридигера; живъ ли онъ и здоровъ ли не знаю; но нельзя было веселѣе и бодрѣе сносить всѣ лишенія и труды какъ сносилъ онъ ихъ въ то время какъ былъ я въ Главной арміи. Соблюди его Господь, онъ рѣдкой малой и вѣрно будетъ человѣкомъ замѣчательнымъ. Поэзія въ жизни человѣческой великое дѣло! и онъ рыцарствуетъ въ смыслѣ крестовыхъ походовъ.

Вообрази мою радость, что 8-го дня, т. е. 22-го, я вдругъ получилъ письма батюшкино и Володино, отъ 31-го и 30 Іюля и твое отъ 6-го Августа, вмѣстѣ мнѣ тобою высланныя. Мнѣ страхъ грустно, что ты не можешь ѣхать въ Москву; ужели и въ Сентябрѣ не отдѣлаешься. Ты ошибешься душа моя и я не могу устами твоими пить меду; дѣла не такого рода чтобъ я могъ надѣяться скоро съ вами увидѣться. Впрочемъ сердце сильно бьется при этой мысли, хотя я живу безъ плановъ и не смѣю ни когда загадывать! Да будетъ Его Святая воля. Благодари Арс. Андр. за лѣстное о мнѣ воспоминаніе а Ив. Вас. скажи, что промежутокъ времени великъ и слишкомъ много было запозданъ; разстояніе же времени и мѣста многое искажаетъ; вотъ причина моихъ протекшихъ намековъ, но я его люблю по прежнему и всегда буду помнить какъ часто онъ намъ доказывалъ свою дружбу. Кланяйся Нащокину; я вполнѣ раздѣляю его живое и огромное горе. Кланяюсь объ руку Пушкину и перечитываю его 6-ю пѣснь. Нѣтъ ли чего нибудь новенькаго; коли бы можно переписать и прислать; прочесть его Пророка — эпоха въ жизни! Собо-

левскому сердѣчный поклонъ; кромѣ того что мы съ нимъ славно пожили въ Бѣлокаменной, да и ты и я ему благодарны..... Что ты не догадался переслать мнѣ письмо Аббатово. Я написалъ ему только разъ и то тотъ часъ послѣ горестной нашей утраты; разумѣется я не ожидалъ отъ него отвѣта, и не получилъ его. Коѣли успѣю напишу еще изъ Букареста. Во всякомъ случаѣ пересылай мои письма въ Москву, ибо не успѣваю писать ко всѣмъ по одиночькѣ. Прощай, моя радость! Пиши подлиннѣе.

Бухарестъ 1-е Генваря 1829.

Остается нѣсколько минутъ до истеченія дня и я желаю не пропустить новаго года чтобъ успѣть сказать тебѣ доброе слово хоть на письмѣ. Что принесъ намъ этотъ новый гость, что сулитъ онъ для будущаго времени? Дай Богъ мнѣ не проводить его какъ прошедшій — то есть имѣть случай обнять тебя и провести хоть нѣсколько дней въ нашей доброй сѣмьѣ! Дай Богъ тебѣ и вамъ всѣмъ, мои сердѣчные, возможнаго счастья! 25-го Декабря, въ два часа по полуночи, при наступленіи праздника Рожества Христова, выѣхалъ я изъ Яссъ. Недостатокъ лошадей и разлитіе рѣкъ удержали меня, посланнаго курьеромъ, слишкомъ шесть сутокъ несносныхъ въ дорогѣ; а весь переѣздъ отъ Яссъ до Букареста не болѣе 870 верстъ. Вчера къ утру сюда пріѣхалъ и обрадовался увидѣвши Гр. Ланжерона, добраго, милаго и къ добру расположеннаго старика и Генерала Германа, котораго душевно люблю и уважаю. Большую часть дни провелъ въ ѣздѣ развозя бумаги и маранья. Тебѣ надобно сказать, что я съ нѣкоторыхъ поръ часто застаю себя подъ вліяніемъ страннаго суевѣрія и слѣдовательно я выждалъ полночь то есть встрѣчи новаго года у Германа. Прошедшій же, ознаменованный нещастною смертію незабвеннаго друга и брата Ивана и нѣкоторыми лично для меня непріятными воспоминаніями встрѣченъ былъ мною среди разъѣздовъ моихъ по Пруту и Дунаю не въ далекѣ отъ первой изъ сихъ рѣкъ, въ деревни какого то Бессарабскаго помѣщика, между глупыхъ Молдаванъ и ихъ овчокъ куда занесло меня тогда желаніе отогрѣться отъ свирѣпствующей въ то время жестокой зимы. Нынѣшній день просидѣлъ я у себя въ комнатѣ, чтобы оправиться отъ дорожной простуды и избѣгнуть холодныхъ поздравленій; весь вечеръ просидѣлъ у меня Ки. Михайло Урусовъ, котораго я искренно люблю за отлично добрыя его качества. Вотъ тебѣ длинная и пустомѣльная реляція!

Наканунѣ отъѣзда моего получилъ я письмо отъ Батюшки сестры и отъ тебя; всѣ Ноябрскими числами писанныя; ибо письма сіи съѣздивши въ Букарестъ возвратились ко мнѣ въ Яссы. Письмо Батюшкино меня сердѣчно тро-

пуло; оно дышитъ живо ощущаемою скорбью о потерѣ Русской и исполнено раздражительными подробностями объ нынѣшнихъ горести чрезмѣрной во всѣхъ завѣдоніяхъ покойной Государыни. Сестра Татьяна сообщаетъ мнѣ мѣры осторожности принятыя ею и внушенныя всегдашнимъ ея благоразумiемъ для смягченія горестнаго объявленія Батюшки.

Спасибо тебѣ, душа моя Николай, за твое письмецо и за сообщеніе слуха, еще Ноябрскаго, о назначеніи Гр. Пет. Ал. и Толя, продолжай извѣщать меня подробнѣе о послѣдующемъ; ты можешь себѣ представить сколько таковыя новости дорого здѣсь цѣнятся. Извѣстіе о намѣреніи Павла Васильевича и о неизвѣстности въ коей ты находишься на счетъ твоей службы крайнѣ для меня сокрушительно. Я полагаю что ты до нынѣшняго дня долженъ былъ на что нибудь рѣшится и съ безпокойнымъ нетерпеніемъ буду ожидать о семъ извѣстія. Ты не вѣришь мнѣ полагая, что я ищу тебя утѣшить и жертпую сему желанію истинною; повѣрь, что внутреннее убѣжденіе завѣряетъ мнѣ, что ты не долженъ негодовать на отсутствіе твое изъ арміи. На жизнь должно смотрѣть съ нѣкоторою важностію; исключая нѣкоторыхъ мнѣній и сердѣчныхъ отношеній—остальное все пусто, приторно и весьма незанимательно—и куда не взгляни: все al fresco! Люди въ ставкахъ тѣ же, что и подъ раззолоченными потолками и въ этой ходячей монетѣ больше и гораздо больше обрѣзанныхъ червонцевъ чѣмъ полновѣсныхъ!!! Гдѣ же искать утѣшенія коли не въ истинахъ возвышеннаго любомудрія? Оно одно отрывая отъ грязи и мѣлочи страстей и желаній ведетъ къ прямой цѣли нравственнаго совершенствованія! И не смѣшно ли лубочное представленіе честолюбія, зависти, славы бѣснующихся пигмеевъ—шуты ненавистные! Коли останусь живъ къ окончанію будущей компаніи, я съ удовольствіемъ возвращусь къ уединенію, къ книгамъ, къ утѣшенію дружбы—тутъ не надобно будетъ ни лукавить, ни надувать, ни надуваться (что Милономъ называлъ . . . . .). Иное нравственное расположеніе разное; почти все время что ты жилъ въ шуму—я жилъ самимъ собою; а мое душевное спокойствіе многою меня разувѣрило насчетъ многаго, что часто кипитъ вокругъ насъ негодною дѣятельностію. Не полагай однако, чтобы все написанное мною вѣло къ заключенію, что я совершенно и всегда здоровъ отдѣлавшись отъ человѣческихъ припадковъ; нѣтъ но я сталъ покойнѣе и равнодушнѣе ко всему тому, что могло бы меня прежде крайнѣ тревожить. Эта одно выгода опыта, котораго пріобретеніе впрочемъ ни какъ не вознаграждаетъ за утраченныя и невозвратныя радости!! Пиши мнѣ, ради Бога и подлиннѣе; скорѣй на что ты рѣшишься. Перешли это письмо Владиміру, ибо рѣдко мнѣ случается такъ сердѣчно разболтаться. Сто разъ тебя цѣлую. Да хранитъ васъ Провидѣніе!!!

Укрѣпленный городъ Раховъ, по правую сторону Дуная. 4-го Іюня. 1829.

Послѣ крайняго и продолжительнаго безпокойства я несказанно былъ обрадованъ вчерашній вечеръ полученіемъ, любезный другъ, милаго и длиннаго письма твоего отъ 19-го Апреля съ Хомяковымъ отправленнаго и доставленнаго мнѣ Голяминымъ. Твое положеніе грустно, я согласенъ; но чтожъ мнѣ съ тобой дѣлать, коли ты не вѣришь истинному моему убѣжденію на опытѣ послѣднихъ лѣтъ основанному, что всѣ положенія въ жизни приправляются горечью. Многое зависитъ отъ того какъ на жизнь смотришь; и съ утратою радужныхъ цвѣтовъ молодости, все прикрашивающихъ, и все пропало. Остается передъ тобою одно жалкое человѣчество, гадкое и противное безобразіемъ напятненой своей изнанки. Какъ же не желать, хоть на время, уединеннаго отдохновенія? Писемъ твоихъ съ Скарятинымъ и Ермоловымъ не получалъ, не отъ ихъ забывчивости а отъ недостатка случаевъ къ пересылкѣ. Убѣдительно прошу васъ не иначе писать мнѣ какъ по почтѣ но адресуя по прежнему прямо письма въ Букарестъ; тамошній почтмейстеръ будетъ ихъ пересылать ко мнѣ и я никогда въ прошедшее время не оставался такъ долго о васъ въ неизвѣстіи. Слабость и нездоровье Батюшки крайнѣ меня безпокоятъ, но я радуюсь, что онъ рѣшился оставить службу въ его преклонныхъ годахъ отяготительную, и еще нахожу лучшимъ намѣреніе жить лѣтомъ въ Подмосковной. Естьли это послѣднѣе сбудется похлопочите, друзья мои, объ уединенномъ и добромъ помѣщеніи для меня. Вы засмѣетесь этимъ бреднямъ моего воображенія въ даль безсмысленно заглядывающаго; но въ этомъ вся жизнь проходитъ и кажется хорошо, какъ въ полной картинѣ, отражаются въ теперешнемъ моемъ положеніи: я пишу тебѣ сидя въ Турецкомъ домѣ, въ городѣ 23-го прошедшаго мѣсяца войсками нашего отряда приступомъ взятаго, посреди развалинъ, пожарищъ и мертвыхъ тѣлъ, между коими изрѣдка произрастаютъ кусты бѣлыхъ лилей и розановъ, коихъ запахъ сливается съ мертвымъ смрадомъ. Не все ли въ жизни также чудно перемѣшано и съ такою же малою примѣсью добра? Душевно желаю, чтобъ ты прожилъ лѣто въ Москвѣ съ семьею нашею и съ минеральными водами. Я по Высочайшей волѣ утвержденъ исправлять нынѣшнюю мою обязанность и весьма за то благодаренъ; не сожалѣй о томъ мѣстѣ, которое ты желалъ бы для меня. Нынѣшнѣе сообразнѣе съ моими желаніями и положеніемъ какъ и здоровья такъ и души. О тѣхъ вещественныхъ выгодахъ по службѣ, которыя я могъ бы получить тамъ, думать не должно. Не онѣ должны быть цѣлію жизни; а ты знаешь что я всегда старался болѣе сію

последнею научивать ножели младенцомъ въ ней рѣзвиться. Оставимъ безпѣчности счастливой и неарѣлой или хитрости въ лукавствахъ искушенной, то ловить все на лѣту играя, то ползкомъ вскарабкаваться часто не для собственнаго счастья а еще чаще для вреда постороняяго. Премного благодаренъ за Полтаву, сравнивая со съ Годуновымъ Пушкинъ еще шагнулъ исполински. Красоты поэзіи чудныя и познаніе жизни глубокое. Самое слабое мѣсто, по моему мнѣнію, можетъ быть ошибочному, есть описаніе самой битвы. Воображеніе гепія даже не въ состояніи постигнуть того, что не удалось видѣть въ природѣ. Но какъ грустно сравненіе первыхъ поэтическихъ опытовъ Пушкина рѣзвыхъ, безпѣчныхъ, вѣселыхъ съ сими последними произведеніями на которыхъ уже врѣзались глубокими чертами чувства мещаній, бурь, волненія и проч.

Яссы 17-го Іюня. 1829.

Я не успѣлъ еще среди хлопотъ довончить тебѣ письма моего какъ уже меня перенесло сюда. Взгляни на карту: Раховъ или Орсовъ стоитъ на той сторонѣ Дуная между Никополемъ и Видинымъ а я теперь пишу тебѣ изъ Яссъ. Я былъ посланъ съ донесеніями къ Государю не ожидая встрѣтить двойной природы Прутскихъ и Днестровскихъ карантиновъ. 13-го числа текущаго мѣсяца перешедши въ переговорную Скулянскаго карантина, для передачи бумагъ фельдъегерю, я не могъ довольно надышаться Бесарабскимъ воздухомъ, какъ будто бы онъ былъ родной русской!! Ты знаешь какъ трудно улаживается жизнь и устраивается къ нашему угожденію, слѣдовательно трудно сказать долго ли продолжится удовольствіе возвращенія домой (естьли тому когда либо сбыться) но завѣряю тебѣ что чувства одиночества и разлуки продолжительной горьки, что конечно одна изъ счастливѣйшихъ минутъ въ жизни будетъ та когда мнѣ можно будетъ васъ обнять, мои милые! Меня дорогой снова было посѣтила лихорадка съ болью въ бокахъ, отъ употребленія хинаго сульфаса происходящею; но теперь оставила и я останусь здѣсь нѣсколько дней для пользованія. Дней черезъ пять надѣюсь ѣхать къ своему мѣсту. Ты спрашиваешь про моего Егора; онъ живъ и я имъ весьма доволенъ; грубый его характеръ оказывается всегда хорошимъ въ обстоятельствахъ трудныхъ. Кромѣ его и Филиппа кучера у меня живетъ еще Арнаутъ, изъ Сербовъ, многоязычной и воинственной, такого рода человѣкъ необходимъ и во время похода и во время поѣздокъ. Кромѣ сего при мнѣ есть козакъ.

18-го Іюня.

Брата Владиміра благодарю за дружеское письмецо; пріѣздъ Голяминой утѣшившій вашими письмами совершенно оживилъ меня. Радуюсь сердечно, что вы съ Николаемъ вмѣстѣ. Это письмо для всѣхъ. Ради Бога пишите мнѣ, по старому, т. е. по почтѣ въ Букарестъ для доставленія въ отрядъ Г. Генералъ-Адъютанта Геймира, что не помѣшаетъ писать и съ отъѣзжающими, но

первое вѣрнѣе. Я наѣхалъ здѣсь снова на Константина Стурдзу, который тебя, Николай, очень любитъ. Онъ порасказалъ мнѣ про Алексѣя Хомякова, уже послѣ возвращенія его изъ Москвы. Грустныя сѣтованія его о потерѣ брата раздражительны и трогательны до необычайности; я боюсь чтобъ огорченное его воображеніе и душа пѣчалью отягченная, не заставили его подвергать себя тѣмъ опасностямъ, которыхъ глубокое горе ищетъ жадно, надѣясь въ нихъ найти избавленія. Впрочемъ съ игрою случая счетовъ нѣтъ и не разъ жертвы себя приговорившія отвергались; это самая жалкая насмѣшка надъ безсильною волею человѣка! Цѣлую васъ всѣхъ и Батюшкины ручьки; не знаю удастся ли написать еще до отъѣзда отъ сюда но по возвращеніи въ отрядъ постараюсь съ точностію писать вамъ. Ободряйте меня только вашими частыми извѣстіями. Да хранитъ васъ Провидѣніе и да подкрѣпитъ горюющихъ нашихъ въ безутѣшномъ ихъ несчастіи. Прошу тебя, Николай, пояснить мнѣ опредѣлительнѣе, что хочешь ты съ собою дѣлать естьли рѣшишься оставить военную службу. Что касается до меня то я буду ожидать отъ здоровья моего приговора: долженъ ли я далѣе будущей зимы оставаться или возвратиться въ Россію? Прощайте, мои сердѣчные! Поздравляю тебя, душа Николай, съ будущимъ твоимъ рожденіемъ и милую матушку-кормилицу Аграфену Ивановну съ ея именинами. Пошли вамъ всѣмъ Господь счастья!

Букарестъ 30-го Декабря 1828.

Ты получилъ вѣроятно, любезный другъ, письмо мое, писанное по пріѣздѣ моемъ сюда и коимъ извѣщалъ тебя что по убѣжденію Генерала Киселева и по разстроенному здоровью я рѣшился остаться здѣсь на службѣ надѣясь, что это не продлится долѣе лѣта и слѣдовательно доставитъ мнѣ выгоду, добраться до дома съ благопріятнѣйшею погодою. Нынѣ Г. Главнокомандующій пожелалъ отклонить отъ себя мое назначеніе, отзываясь что не можетъ распоряжать мною какъ находящимся въ составѣ Гвардейскаго Корпуса. Получивъ отправленіе для отъѣзда въ полкъ и не имѣя возможности предпринять сего путешествія по вышеизъясненной причинѣ я рѣшился подать прошеніе объ увольненіи меня отъ службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Посылаю тебѣ оное при рапортѣ моемъ къ Генералу Шипову и со свидѣтельствомъ о болѣзни. Постарайся, любезный другъ, устроить мои дѣла: вотъ мои желанія: 1-е) быть переведеннымъ въ статскую службу съ повышеніемъ чина, т. е. Коллежскимъ Совѣтникомъ (права давности я на сіе не имѣю, но надѣюсь что можетъ быть оказана сія милость за понесенные труды и разстроенное здоровье во время кампаніи). 2-е Быть переведеннымъ Подполковникомъ въ армію дабы

считаться по арміи и имѣть время лѣчиться и я-е) быть къ теперешнемъ чинѣ уволеннымъ до излѣченія болѣзни. Достиженіе цѣли изъ одномъ изъ сихъ трехъ случаевъ будетъ для меня весьма полезно. Но отнюдь не желалъ бы быть уволеннымъ къ статскимъ дѣламъ съ чиномъ Надворнаго Совѣтника. Прежде нежели доставишь ты прошеніе мое Генералу Шипову, прошу тебя посовѣтоваться обо всемъ съ Графомъ Александромъ Толстымъ, по участію имъ всегда въ дѣлахъ моихъ пріемлемому и увѣренъ что онъ не откажется помочь по силѣ и возможности. Какъ прошеніе мое во всякомъ случаѣ надобно будетъ пустить въ ходъ то посовѣтуйся также съ И. Г. Бибиковымъ, и проси его также родственнымъ и дружескимъ образомъ помочь мнѣ. Въ случаѣ перевода моего въ статскую службу я полагаю остаться здѣсь на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ противномъ же потащусь въ Москву и для сего нужно будетъ взять мѣры, чтобъ я могъ отъ сюда выѣхать, ибо въ прежнихъ письмахъ къ тебѣ и батюшки я просилъ о высылкѣ мнѣ 250 червонцевъ; сумма которую и здѣсь долженъ, полагая тогда что по полученіи оной я немедленно поѣду. Вмѣсто того мнѣ прислали только 100 — а время течетъ и жить надобно. Естьли меня отпуститъ до излѣченія болѣзни или назначатъ по арміи желательно бы съ жалованьемъ. Я не полагаю чтобы Графъ Алексѣй доѣхалъ до васъ а не знаю куда писать къ нему ибо онъ послѣ отъѣзда ни къ кому не писалъ сюда. Душевно порадовался его производству въ генералы; это много споспѣшествуетъ его счастью!!

Богъ вѣдаетъ какъ давно не получалъ отъ васъ писемъ и не знаю что съ тобою и съ семействомъ дѣлается? Здоровы ли вы мои милые и какъ рѣшился ты на счетъ твоей службы. Князь Михайло Урусовъ въ дорогѣ къ Петербургу чрезъ Австрійскія владѣнія и можетъ тебѣ порасказать обо мнѣ. Я написалъ тебѣ мои условія ибо рѣшительно удостовѣрился что не долженъ по разстроенному здоровью служить ни во фронтѣ, ни адъютантомъ... естьли же можно придумать что нибудь иное, можетъ быть мною выпущенное изъ виду дѣлайте съ Богомъ что хотите. Прочти это письмо Графу Александру, хотя съ моей стороны и безсовѣстно надоѣдать ему собою. Напиши подробно: что дѣлаетъ у васъ В. Ф. Тимковской и гдѣ онъ служитъ? Я не перестану почитать и уважать горячо сего достойнѣйшаго человѣка. Смерть Германа меня сокрушаетъ, и потерялъ въ немъ человѣка съ рѣдкими свойствами и неоднократно доказавшаго мнѣ дружбу свою; сколько можно бы дать за него живыхъ! Ты можешь себѣ представить нетерпеніе съ коимъ я буду ожидать перваго письма твоего! Не пиши ничего о моихъ намѣреніяхъ Батюшки дабы не нанѣсти ему безпокойства. Естьли успѣю припишу еще до отправленія. Прощай душа моя!

Kopo, aux environs de Iassi. Ce 16 Juin 1831.

J'ai reçu vos deux lettres, mon cher Nicolas, et vous en remercie bien sincèrement. Vous m'agonisez de sottises dans l'une, et vous en répentez dans l'autre: le fait est, je pense, que vous avez mis trop de précipitation à m'écrire après quelque conversation toute d'attendrissement avec M-lle Baschmann. Est-ce une demoiselle de compagnie qui sert avec adresse le thé autour d'une table ronde le soir, ou accomode la salade à dinner, qui puisse comprendre quelque chose à la manière d'envisager la vie? Je vous fais là une mauvaise plaisanterie; mais penser cependant à ce qu'il m'arrive pendant ces dernières années d'une vie aventureuse (бурная) passée au milieu des guerres, des pestes, du Choléra, etc. Est-ce dans ce tourbillon des vicissitudes humaines que l'on calcule les chances de l'existence l'ardoise à la main? Il ne reste, après cette contemplation effrayante du hasards, que quelques principes fixes dont un homme bien pensant ne peut jamais se départir. Je ne crois pas que ceux-ci soyent en contradiction avec ma manière d'être: du reste le laps de tems écoulé depuis notre séparation, qui a du apporter de si graves modifications a nos opinions et nos idées, nous a rendu l'un pour l'autre des *незнакомые знакомцы*, comme me le disait Vladimir, avec tant de vérité, dans une de ces lettres. J'ai tardé à vous répondre à cause de l'affreuse calamité qui est venue fondre sur nous. Une mortalité effrayante, produite par le Choléra, s'est déclarée dans notre ville en fesant disparaître journellement jusqu'à 200 hommes sur une population que l'on ne peut guères porter qu'à 30 ou 35/m. hommes. C'est donc vingt-fois plus fort que la mortalité de Moscou. D'un autre côté le caractère lâche et abatardi de ce pauvre peuple a privé l'administration locale de toute espèce de secours, les fonctionaires et les employés indigènes, saisis d'épouvante, ayant abandonné leurs postes, et la maladie ayant moissoné en peu de jours la presque totalité des medecins et pharmaciens. Enfin nous ne sommes restés que bien peu d'employés Russes, sentinelles isolées au milieu de ce grand danger! La présence très heureusement du Gal Kisseleff a maintenu d'un côté l'ordre de l'administration et de l'autre pris des mesures efficaces pour sauver les restes d'une population dessóminée par le fléau de la contagion et de l'émigration, en recourant au moyen de faire camper les habitans sur les hauteurs. Notre assemblée extraordinairement convoquée pour la révision du Réglement a dû être nécessairement dissoute ou plutôt prorogée et cela ajourne encore le moment de mon retour en Russie. Finalement j'ai été aussi atteint du Choléra, mais me voici depuis 2 ou 3 jours hors de danger. Dès que les affaires de ce pays-ci seront terminées, j'espère me rendre à Petersbourg avec une expédition de courrier et, si de nouveaux obstacles ne se présentent, cela pourra avoir lieu au mois d'Aout ou de Septembre, au plus

tard. N'allez donc pas croire que je sois retenu ici par mes affaires d'amour; cela aurait été une raison de plus de presser mon retour en Russie. Je suis bien aise de voir que vous êtes occupé dans un poste tout de confiance et conséquemment avantageux par les lumières pratiques que vous pourrez acquérir étant placé dans un point aussi central de l'administration. La lettre, où vous me dittes avoir détaillé vos occupations ne m'est point parvenue. J'en suis vraiment désolé, car nous devenons déjà pas trop étrangers l'un à l'autre, faute de communications. Embrassez de ma part le C-te Alexander. Voici également trois années d'ecoulées depuis que je l'ai entrevu dernièrement à Marardjik en Juillet 1828; et il reste bien peu de gens que j'aime comme lui. Que fait-il dans votre ministère? Si je vous Alexis figurer de nouveau sur le champ d'honneur. Dieu veuille que cette lutte finisse le plutôt et à notre gloire. La lenteur de ces événemens est tuante! Ecrivez-moi donc, mon excellent ami; vos lubies de mauvaise humeur ne sauront jamais refroidir mon attachement pour vous. Ecrivez moi et renvoyez cette lettre à Vladimir, car je ne sais pas si je pourrai lui écrire demain et il est inquiet pour moi. J'embrasse les soeurs et les mains de mon père; que Dieu vous bénisse et vous conserve tous. J'attends ici ces jours ci les B..., Constantin et Georges, qui doivent nous arriver de Grêce. Titoff me l'a écrit dernièrement de Constantinople et se rappelle à cette occasion à votre souvenir. Je crois, si je ne me trompe que le 22 ou 23 du courant, c'est votre jour de naissance et le jour de fête de ma nourrice Агрифина Ивановна. Faittes lui parvenir mes plus douces caresses.

Pressez vous, cher ami, de m'envoyer votre veritable adresse!

Des environs de Jassy. Ce 1-er Juillet 1831.

Je vous avais annoncé dernièrement ma maladie, une rechute et enfin une convalescence, mais je n'en suis pas resté là, mon cher ami, ayant subi mort et martyr pendant ces huits jours derniers; une fièvre de cheval avec un mal dans les entrailes tout semblable au *Cholera* et le tout enfin remplacé par un affection gastrique. Pensez l'effet que cela a dû faire sur un corps affaibli déjà par deux maladies toutes récentes, independamment des fièvres des années 20 et 30. Tout mon systeme nerveux en a été horriblement ébranlé; je demande un congé d'un mois pour continuer mon traitement et pouvoir aller me reposer pendant quelques jours à la campagne, en choisissant à cet effet le chateau de Stinka appartenant au vieux Visitiar Prasnovano Rossetti propriétaire riche, vieux et d'une hospitalité toute patriarchale. La vie de ce chateau, bâti sur une immense élévation donne sur la frontiere de Russie.

Je suis inquiet sur le compte de la famille, je n'en reçois plus aucune nouvelle, soit ce les postes par le tems qui court, est-ce autre chose? *Le choléra* en dispersant nos barbus a retardé de beaucoup la cloture des travaux de l'Assemblée extraordinaire que l'on ne peut réunir maintenant avec toutes les peines du monde. Cela retardera encore mon voyage en Russie ce qui me fera beaucoup de peine et nuira nécessairement à ma santé peu faitte pour supporter un hyver rigoureux. Donnez moi donc de vos nouvelles et de tout ce qui se passe chez vous. Nous sommes ici dant l'attente de grands événemens, car les journaux Allemands nous annoncent des préparatifs déjà faits pour le passage de la Vistule. Que Dieu nous soit en aide dans ces jours de grave anxiété et que la colère punisse les maudits rieurs qui croyent déjà voir la tonsure de Sam.... Mettez moi au fait des maisons et des hommes que vous hantez habituellement afin que je sois moins étranger à vos habitudes. Adieu, mon cher Nicolas! Transmettez cette lettre à Moscou, avec une foule de baise-mains et de respects pour papa et d'amitiés aux bonnes soeurs et au cher Vladimir et écrivez, écrivez, écrivez.

На оборотѣ:

изъ С. Петербурга.

Его Превосходительству Милостивому Государю Ивану Васильевичу Шапилову. Г-ну Вице-Директору Инспекторскаго Департамента Главнаго Штаба К. И. В.

Съ покорнѣйшею просьбою о доставленіи Н. А. Муханову.

Jassi. Ce 5 Décembre 1831.

J'ai eu l'extrême satisfaction de recevoir votre lettre, mon caro amico, en date du 20 Novembre. Mille remercimens pour les peines que vous vous êtes donné de remplir ma commission des peignes qui toute nulle qu'elle paraît me tient extrêmement à coeur. Cet envoi ne m'est point encore parvenu et je l'attend, avec impatience. Je suis bien facbé de vous voir de nouveau en l'air, pour ce qui regarde votre service; pressez vous de m'informer sur ce que vous comptez faire et où espérez vous fixer votre séjour? Je me vois jusqu'a l'heure qu'il est contrarié dans mes espérances; cependant dans 8 jours ou 10 au plus tard je partirai probablement pour Boukorest. Tout s'arrange à la diable. Indépendamment de cela j'ai eu beaucoup de soucis et de chagrin tout ce tems-ci. J'ai manqué perdre à deux reprises un être que je chéris de tout mon coeur et qui aurait pû m'être enlevé par une maladie ou plutard par une de ces combinaisons sociales qui tout en étant très absurdes n'en sont pas moins affligeantes. Mais je suis plus absurde encore de vous entretenir de choses aux quelles vous êtes tout à fait étranger et qui ne

sauraient être devinées à distance. Qu'il me tarde de me retrouver avec vous et de faire pour ainsi dire notre connaissance. Que d'apperçus nouveaux sur la vie et sa complication indéchiffrable! Comment êtes vous avec Daschkoff; pouriez vous lui être bien recommandé et voudriez vous rester auprès de lui? Le hasard m'a rapproché de lui en 1828 et depuis il m'a comblé de bienveillance et d'amitié. Voyez vous la C-esse Orloff? Répondez a toutes ces questions. Que veut faire *Никаковскій*; nouveau Cincinnatus de la bureaumanie, va-t-il labourer son champ et planter ses choux? Il en est bien tems, je pense et pour son bonheur et pour le bien des affaires? J'embrasse Zachou. Ecrivez moi et parlez de vos relations actuelles; c'est ce qui m'interesse le plus. Je vous embrasse.

На оборотѣ:

Его Превосходительству Ивану Васильевичу Шаталову. Г. Вице-Директору Инспекторскаго Департамента Главнаго Штаба Е. И. В. въ С. Петербургѣ. Съ покорнѣйшею просьбою о доставленіи Н. А. Муханову.

Узкое. Понедѣльникъ. 14-е Іюня.

Отправивъ къ тебѣ, въ середу вечеромъ, письмо изъ Торжка, я отправился въ грозную ночь далѣе, спрыскиваемый дождемъ. Изъ Мѣднаго выѣхавъ попалъ я подъ такую громовую тучу, что даже на меня, страстнаго охотника до грозъ начало ужасъ; небо задернулось такимъ чернымъ и мрачнымъ занавѣсомъ, который то распахивался какъ огненный адъ, то вдоль по сгущенной мглѣ неразверзтой змѣились молніи безпрестанныя; лошади даже такъ испугались, что безпрестанно шарахались отъ малѣйшаго камышка, отъ незначущаго комка земли и бросались въ сторону. Съ сжатымъ сердцемъ отъ тягостнаго и непріятнаго, гадкаго чувства страха доскакалъ я до деревни, гдѣ пустилъ меня къ себѣ въ избу осьмидесятилѣтній старикъ предзанимательный, у котораго, голый, проспѣлъ я обсушиваясь и ждавши чтобъ гроза миновалась. Прочитавъ эту страничку я вижу, что она неумѣстно-описательная, глупа, смѣшна и странна.

Проскакавъ всю ночь и часть дня я надѣялся пріѣхать къ вечернему чаю въ Москву; но провздъ Велик. Князя задержалъ меня и я съ большимъ трудомъ приспѣлъ къ ½ 11-го часа только, что застадъ своихъ не спящихъ. Какъ я въѣзжалъ ночью то и не такъ радовался какъ радоваться привыкъ или какъ радовался прежде. Семья нашелъ въ томъ же самомъ положеніи, какъ мы ее съ тобой оставили, развѣ съ одною только разностію, что присудствіе Импер. Маріи Feод. освѣжило веселость сестеръ и батюшки, которыя безпрестанно о ней говорятъ и не нахвалятся ея милостями. Съ сердѣчнымъ удовлотвореніемъ

обнялъ я и разцеловалъ Владиміра и Ивана; первый не такъ боленъ какъ мы полагали и не такъ сумраченъ; боль въ рукѣ умаливается у него съ теплотою погоды; пѣшкомъ гуляетъ; трясеніе всякаго экипажа его разстроиваетъ; но Маркусъ предпринимаетъ съ нимъ новый способъ лѣченія: треніе страждущаго члѣна холодной водою, начиная съ лѣтней — по одному прибавляя градусу и доходя до льду. Послѣ перваго свиданія съ Маркусомъ я объясню тебѣ все подробно. Александрину не засталь я здѣсь, къ крайнему моему соболезнованію увеличивающемуся по соразмѣрности съ невозможностію оторваться на сутки отъ дому. Я вчера пріѣхалъ сюда вмѣстѣ съ Графиней и Гр. Александромъ, который отдастъ тебѣ это письмо, и который обѣщался мнѣ пристать у тебя, что много меня за тебя утѣшаетъ. Онъ мнѣ доставилъ нѣсколько мгновеній истинно радостныхъ и какъ умный, какъ чувствительный человѣкъ подвигается свободно впередъ. Много вывезъ изъ за Урала новыхъ мыслей, которыя созрѣли у него въ уединеніи и отдаленіи отъ этихъ несносныхъ партій отъ которыхъ я не могу до сѣлѣ избавиться: безпрестаннаго развлѣченія свѣтскихъ приличей, семейной жизни и разнаго рода тому подобныхъ докучливостей. Что дѣлаетъ любезный Грибоѣдовъ отъ чего не ѣдитъ онъ въ Москву.

Я не знаю когда отъ сюда выѣду по встретившимся обстоятельствамъ. Перестань грустить или л. с. грусти умереннѣе. Я постараюсь приписать тебѣ кое что въ городѣ. Благодарю за письмо дошедшее ко мнѣ на другой день моего пріѣзда. Разныя дурацкія и докучныя хлопоты поглащающія меня въ каждый мой пріѣздъ въ Москву, меня удержали отъ письма къ тебѣ. Прощай Николка, душа моя; пиши я тоже сдумалъ нельзя не писать часто намъ другъ къ другу.

Вечеромъ по пріѣздѣ въ Москву.

Я было сталъ прилагаемое письмо писать къ Трубецкому, но не успѣлъ окончить; разскажи по оному все Трубецкому и напиши мнѣ скорѣй отвѣтъ.

Про себя и про себя.

По обычаю Христосъ Воскресъ, любезные друзья и братья! Благодарю тебя Владиміръ за послѣднее письмо твое отъ 12-го Апрѣля. Полно грустить, любезный другъ; я знаю, что намъ вѣселиться нечѣмъ; тебѣ же наипаче; но предаваться или поддаваться грусти не должно. Ищи утѣшенія въ занятіяхъ и въ дружбѣ Ивана. Естьли мое Адъютантство удастся то мы по перемѣнкамъ съ Николаемъ будемъ наѣзжать въ Москву; въ противномъ же случаѣ: я буду жить тамъ безсмѣннымъ твоимъ товарищемъ. Главное дѣло: устройте, вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ, лѣченіе или курсъ для нынѣшняго лѣта подъ руковод-

ствомъ Маріуса. Теперь дѣло мое очень долго задлится не можетъ и потому надѣюсь васъ скоро или на нѣсколько минутъ или на все лѣто скоро увидѣть; за успѣхъ же этаго дѣла ручатся нельзя ибо до сихъ поръ оно идетъ довольно дурно. Ты правъ и очень правъ Владиміръ, что В. принадлѣжитъ къ числу тѣхъ людей которые охотнѣе говорятъ правду чѣмъ ея слушаютъ. Новое мое назначеніе, естьли оно послѣдуетъ, ни какъ не отдаляетъ меня отъ предположенной мною цѣли женидьбы, а напротивъ того, мнѣ кажется приближаетъ исключая только случая войны — естьли нѣтъ французскимъ газетчикамъ. Я уже увѣдомлялъ васъ, любезные друзья, что получилъ деньги, за которыя приношу и приносилъ Ивану мою искреннюю благодарность; что жъ касается до 800 р. посланныхъ къ намъ Батюшкою; то одна таковая сумма *давнымъ давно* получена, и о полученіи оной *давнымъ давно* увѣдомляли; а естьли это вновь посланныя, то жаль, что къ намъ не дошла. Пожалоста скажите Темирѣ чтобъ она какъ нибудь къ статѣ напомнила Батюшкѣ, что мнѣ надобно будетъ скоро обмундироваться, а всегда *нам* надобно жить чѣмъ нибудь. Естьлибъ Иванъ не прислалъ намъ денегъ мы насидѣлись бы *без штанов*, такъ велики къ намъ отеческія милости. Братъ Николай былъ прошедшую заутрипу во дворцѣ, откуда прямо поскакалъ на пожаръ, гдѣ и пробылъ до ½7-го утромъ. 11-ть дворовъ или домовъ сгорѣло въ теченіи 3-хъ или 4-хъ часовъ на Лиговомъ каналѣ, такова была сила вѣтра! Самъ Государь Императоръ изволилъ присудствовать на пожарѣ! Братъ поскакалъ по визитамъ а я сижу дома до обѣда, на который пойду къ двумъ сожителямъ Сергѣямъ. Vous voyez à la manière dont nous allons passer les fêtes, que nous ne croyons pas en mourir de plaisir. Je crains beaucoup que Mr. l'abbé ne soit incommodément logé dans notre misérable taudis; comme je le suppose déjà maintenant à Moscou, je vous prie, mes chers amis, de lui présenter mes très humbles hommages. Je désirerai extrêmement le voir en passant par Moscou, si toutefois passage y aura. Adieu, mes chers amis, continuez de m'écrire éxactement. Cette même poste doit vous apporter, je crois, la nouvelle de la nomination de C. comme demoiselle d'honneur.

Le 19 d'Avril. Lundi, de la semaine de pâques. Vous apprendrez déja maintenant pour sûr ce que je ne faisais que supposer hier. Je vous abandonne, mes chers amis, aux réflexions que la presente circonstance est dans le cas de faire naître. Donnez moi des détails sur ce que dira M-r l'abbé et sur tout ce qui en résultera dans la famille; les quels résultats sont d'une très grande conséquence comme vous le voyez bien!!! C'est pitoyable et du plus grand ridicule. Adieu, je vous embrasse.

Au revoir. Déchirez tout de suite cette lettre. Nicolas vous embrasse.

Я какъ съума-сшедшій скакалъ изъ Стрѣльны въ Петербургъ а отъ тебя ни слова нѣтъ. Не круши меня, пиши чаще. Каково твое здоровье. Нравственно тебѣ должно быть лучше съ пріѣзда Бибикова, хоть онъ грузенъ и угрюмъ самъ, однако по прежнему съ нимъ можно *отвести душу*. Посылаю при семъ въ семъ запечатаномъ конвертѣ письмо къ Пашиньки ты прежде нежѐли отдашь ей этотъ пакетъ, скажи, что она въ немъ найдетъ письмо къ Батюшки, которое отдаетъ ему тогда только какъ прочтетъ то что я къ ней пишу. И беру всѣ эти предосторожности боясь чтобъ письма моего не получили въ обширномъ семейственномъ кругу и громогласно не произвели оному чтеніе. Любезный Николай, ты прочтя оное увидишь какъ долженъ быть плохъ Департаментъ Финансовъ, естьли я рѣшился написать таковое. Прочти его и скажи въ первомъ письмѣ какъ думаешь. Плохо намъ съ нашимъ говѣнькимъ доходомъ въ люди лѣзть. Лучше бы гораздо перебить лавочьку у Родіона Михайлоча Мамонова. Нелегкое меня дергало переходить въ Гвардію, а но дняхъ нелегкое дернитъ жениться. Пришлось подыматься на афферы; что Николушка тноя дѣла; знать плохо идутъ съ Комбурлѣевыми? Ты что то помалчиваешь. Ради Бога естьли найдешь оказію перешли шубу. Пока Сергѣй здѣсь въ его ѣзжу въ Стрѣльну, а онъ уѣдитъ хоть замерзнуть. Вообрази, въ теперешній холодъ ѣзжу здѣсь по городу въ холодной шинели, и то въ чужой не на что сшить теплой. Знаешь что всего то мудренѣе, эта нужда никакъ меня но сокрушаетъ; а когда сгрустнется, такъ какъ вспомню что съ вами въ розь, что ты мой милой другъ боленъ. Впротчемъ Богъ милостивъ, авось *когда нибудь и мы запляшемъ какъ скоморохи*. Прощай мой милой Николай, поцѣлуй Володю, тебя сто кратъ и васъ обѣихъ мысленно цѣлую. Вѣрьте любви и привязанности къ вамъ.

Александръ.